

НЕИЗВЕСТНАЯ РЕЦЕНЗИЯ НАБОКОВА¹

Публикация, вступительная статья и комментарии

А. А. Долинина (Мэдисон / С.-Петербург) и Г. М. Утгофа (Таллинн)

Публикуемая статья Владимира Набокова «О поэзии» представляет собой рецензию на три поэтических книги, вышедшие в 1924 г., – «Оттепель. Первая книга стихов» Льва Гордона (Берлин: Издательство „Меркур“; вышла в свет не позднее 18 мая)²; «Песни без слов» кн. Дмитрия Шаховского (Брюссель: Издательство Русских Писателей в Бельгии; вышла в свет не позднее 26 августа)³ и «Разноцвет» Ильи Британа (Берлин: Типография „Зинабург и К“; вышла в свет не позднее 1 октября)⁴. По-видимому, предназначалась для газеты «Руль», где Набоков позже будет печатать подобные рецензии сразу на несколько сборников (см.: Набоков (Сиринъ) 1999, 2: 638–644; 654–657). Как представляется, статья была написана в октябре–начале ноября 1924 г., поскольку 19 ноября в «Руле» появилась рецензия Юлия Айхенвальда на «Разноцвет» (см. ниже, с. 219–220), после чего обращение Набокова к той же книге теряло всякий смысл. Весьма вероятно, что Айхенвальд, главный литературный критик «Руля», написал свою рецензию именно потому, что набоковская статья была редакцией отвергнута.

О причинах, по которым статья Набокова не подошла «Рулю», мы можем только догадываться. Благожелательный тон рецензий Айхенвальда на книги Британа, резко контрастирующий с тем, как пишет о «Разноцвете» Набоков, наводит на мысль, что

---

¹ Публикаторы благодарят за помощь в работе Г. В. Обатнина (Хельсинки) и Максима Д. Шраера (Бостон).

² Устанавливается по дате «18: V: 24» под дарственной надписью Гордона на экземпляре, подаренном Рейнгольду фон Вальтеру (см.: Поляков 2010: 301).

³ Устанавливается по библиографической хронике «Новые книги» в газете «Руль»: № 1134. 1924. 26 августа.

⁴ Устанавливается по библиографической хронике «Новые книги» в газете «Руль»: № 1164. 1924. 1 октября.

редакторы «Руля» не захотели обижать высланного из СССР поэта, у которого сложились с ними хорошие отношения. Набоков же в статье не только глумился над дилетантскими стихами Британа, но и позволил себе выпады *ad hominem*, например, назвав его православным иереем, хотя все знали, что Британ отнюдь не священник, а неортодоксальный еврей, пытающийся совместить свой иудаизм с христианством. Кроме того, возражения могло вызвать и включение в число рецензируемых авторов Льва Гордона, который входил в круг враждебной «Рулю» просоветской газеты «Накануне» и вообще был не эмигрантом, а советским гражданином, временно оказавшимся за границей по семейным обстоятельствам и не скрывавшим своих симпатий к коммунизму.

Автограф статьи хранится в фонде Набокова в Нью-Йоркской публичной библиотеке⁵ и представляет собой три листа сравнительно плотной блокнотной бумаги формата 225 × 270мм. Текст – с обеих сторон листа; написан чернилами; в тексте – незначительные помарки, зачеркивания и вставки; название («О поэзии») вписано простым карандашом.

Фрагмент рецензии (от слов «Существует прекрасный поэт Мандельштам» до слов «чувство легкой тошноты, головокружения») был впервые опубликован А. А. Долининым в составе его комментария к роману «Дар» в юбилейном набоковском пятитомнике (см.: Долинин 2000: 647; комментарий к «снежок на торцах акмеизма»); текст рецензии целиком печатается впервые.

---

⁵ Vladimir Nabokov. O poezii. – The New York Public Library. The Henry W. and Albert A. Berg Collection of English and American Literature. Vladimir Nabokov Papers. Box 3 (без указания номера единицы хранения, номер поступления: 2006180).

О поэзии

Предо мной лежат три книжки стихов: книжка кн. Д.А. Шаховского - тоненькая, книжка Льва Гордона - потолще и книжка Ильи Фригань - совсем толстая. Первая называется "Пьесы без слов" и издана в Бельгии, вторая называется "Оттепель" и издана в Берлине, третья называется "Разноцветье" и издана тоже в Берлине, - самими авторами, повидимому. Из того автора мы и начинаем.

Отметим прежде всего то Илья Фригань - православный священник. Сам его настоятельно просвещает в большинстве его стихов. Не говорю уже о том, что вся книжка полна описаний тех недоразумений которые происходят между поэтом-иереем и Богом, мы находим такие - несколько профессиональные, голи - выражения, как "уйти мне талостно, обидки не допыв", "забыл я свой тропарь", "спую паникиду" против я господу мой страдающий хорал" и т.д. ~~Обычно~~

Но в Ильи Фригань таится по его словам "кошучка" т.е. дух кошачества и вот "из церкви убитаясь рябятими -вприпрыжку", камя иерей попадает в омут "отравкой" любви. Там он подносит возлюбленной "Бокаль из сахара" и, наскоро просмотрев потрепанный том Алехтина, уверяет читателя, что она не сможет спать. От тугей герной боли отшил в ее груди отравленный гранит". Ей-же он говорит, что "если захожу я тоже знойных мук, я брошусь на бульвар: таких как вы там много" - но к счастью угрозы своей не выполняет и убедившись в том что в конце концов "любовь - страданье вдовца и "источник зла" возвращает к своему "алтарю". Теперь у него новая мечта: мечтает он о том что "дочки милые придут ко мне на клирос" - и для этой или угощает их ильими отливом, дятскими"

Автограф статьи Набокова «О поэзии» (Л. 1). Copyright © by Vladimir Nabokov, courtesy of the Berg Collection at the New York Public Library, used by permission of The Wylie Agency (UK) Limited

О поэзии

Предо мной лежат три книжки стихов: книжка кн. Д. А. Шаховского – тоненькая, книжка Льва Гордона – потолще и книжка Ильи Британа – совсем толстая. Первая называется «Песни без слов» и издана в Бельгии, вторая называется «Оттепель» и издана в Берлине, третья называется «Разноцвет» и издана тоже в Берлине, – самим автором, по-видимому. С этого автора мы и начнем.

Отметим прежде всего, что Илья Британ – православный священник. Сан его настойчиво просвечивает в большинстве его стихов. Не говоря уже о том, что вся книжка полна описаний тех недоразумений, которые происходят между поэтом-иереем и Богом, мы находим такие – несколько профессиональные, что ли, – выраженья, как «уйти мне тягостно, обедни не допев», «забыл я свой тропарь», «спую панихиду», «пропел я господу мой страждущий хорал» и т. д.

Но в Илье Британе таится, по его словам, «кощун», т. е. дух кощунства, и вот «из церкви убежав с ребятами вприпрыжку», наш иерей попадает в омут «отравной» любви. Там он подносит возлюбленной «бокал из баккара» и наскоро просмотрев потрепанный том Апухтина, уверяет читателя, что «она не смеет спать. От жгучей черной боли ожил в ее груди отравленный гранит». Ей же он говорит, что «если захочу я тоже знойных мук, я брошусь на бульвар: таких как вы там много» – но к счастью угрозы своей не выполняет и убедившись в том, что в конце концов «любовь – страдание вдвоем» и «источник зла», возвращается к своему «алтарю». Теперь у него новая мечта: мечтает он о том, что «детки милые придут ко мне на клирос» и для этой цели угощает их целым отделом «детских» стихов, в которых есть и «лукавый голос веселой пеночки», и «солнышко», и «Боженька», и даже какая-то «бабаня». Но и тут дело кончается слезами. Превратившись в ребенка, Илья Британ влюбляется в сверстницу: «Я твердо ей сказал: терпеть, голубка, надо! – Заплакала она на маленькой груди». Т. е. на маленькой груди Ильи Британа.

Оказалась, однако, еще одна неизведанная область: область политики. Туда-то и спешит, после всех своих злоключений, наш священник. В юности ему «ближе был других измученный рабочий»

и нравились «всегда убогие крестьяне». Мы подозреваем, что Илья Британ принял социализм, ибо шестистопный ямб его и раньше почти лишенный пэонов, теперь становится тяжелым как дуб и безграмотным, как брошюра. Мы узнаем, что «гнев народный свят» и что Россия до революции – «сплошная тень», «мертвый мир», «безбожный монастырь» и т. д.

Такова бурная карьера Ильи Британа, аскета и «кощуна». Эта жизнь полна томленья. Он говорит сам: «томись и век» (вероятно, евеце?) ты человек». «Дай Вечности», – восклицает он, пользуясь для большей убедительности родительным падежом. И наконец истина озаряет его: «Я вовсе не поэт!» и этот внутренний голос говорит ему: «скорее брось в огонь все книги, все тетради и скромно жди конца, – придет когда-нибудь».

После здоровой бурной безвкусицы Ильи Британа странно как-то перейти к нервному суховатому Льву Гордону. Но если банальность первого подкупает читателя своей откровенностью, то скрытая банальность второго вызывает некоторое раздражение. Дело вот в чем. Существует прекрасный поэт Мандельштам. Творчество его не является новым этапом русской поэзии: это только изящный вариант, одна из ветвей поэзии в известную минуту ее развития, когда таких ветвей она вытянула много и вправо и влево, меж тем как рост ее в высоту был почти незаметен после первого свежего толчка символистов. Потому Мандельштам важен только как своеобразный узор. Он поддерживает, украшает, но не двигает. Он – прелестный тупик. Подражать ему значит впасть в своего рода плагиат. Подражают ему (отчасти) скучноватые поэты Цеха. Подражает – и ему, и скучноватому Цеху – Лев Гордон.

Облик Мандельштама, его холодное изящество выражается в особых, как бы стеклянных стихах, в нежности к вещественным мелочам, в чувстве веса, весомости: – так прилагательные, выражающие легкость или тяжесть, почти совершенно вытесняют прилагательные чувственные, преобладающие у других поэтов. Отсюда – холод стиха, стрелчатая гармония, в которой самые нежные земные слова, как, например, «ласточка» или имена богинь, превращаются в звук иглы, падающей на хрустальное донце. Банальность Льва

Гордона состоит в том, что он подражает этому. У Мандельштама тяжесть вызывает чувство гнета, духоты, а легкость, чувство тонкой тошноты, головокружения. И вот мы читаем у Гордона следующие строки, которые мы уже давно читали где-то, – если не у Мандельштама, то у поэтов Цеха: «дымок дешевой легкой папиросы мне кружит голову, хмельней вина». Немного дальше мы находим и знакомую ласточку: «прозрачные, задумчивые дали пересекает ласточкою лето...» – или такой (очень недурной!) образ: «И пляшут в звонком полукруге мои стеклянные шары». Мимоходом Гордон советует стихотворцу быть «ювелиром золотого слова» или, другими словами, писать правильный сонет, как он сам делает, «выполняя собственный завет». Но выполняет он его плохо: в сонете нельзя рифмовать «слóва» и «оковы», а также недопустимо отсутствие опорной согласной в «небогатых» мужских рифмах.

Дальше – на 17-ой странице мы находим знакомый «душный и тяжелый» воздух, «тысячелетний мед», «пряжу Ариадны или Парки?». Все это – невы<но>симое клишэ. И в лучших строках Гордона есть этот привкус: «Ветер злой над темной дорогой, земля сорвалась – слышишь крик? И в ночи, под звездной тревогой листает ноты глухой старик». Этот образ (речь идет о Бетховене) недурен, – но как не верти, «звездная тревога» не лучше «отравной любви» Ильи Британа.

Половина сборника посвящена этим – вполне литературным – подражаньям Мандельштаму. Но внезапно происходит перелом. Большевизм дал своим поэтам три отличительных черты: словечки-плевики, начинающиеся на «вз» или «вск», хамоватый спондей и отвратительную привычку корчить из себя «бродяг», «босяков»,двигающихся по ландшафту, где очень много «буераков», «полыни», «гари» и очень мало поэзии. Наскучив Мандельштамом, Гордон начинает подражать этим поэтам, т. е. притворяется, что «орет». Тут и спондеи, и всякие «взметутся», и такие безвкусицы, как: «идут по дорогам бродяги с винтовкой на смуглых плечах, и пенится кровь, как брага, лохмотья на них, как парча». (В этом ча-чах вся бездарность русской революции. Недаром Блок употребил этот ассонанс (очах – плеча) в самом метком месте своей поэмы о «двенадцати»).

Все это очень фальшиво и очень старо. Вероятно советские критики отозвутся <sic!> о Гордоне с похвалой. Похвалят за «взрывность». Оценят такие глаголы, как «горланить», «палить», «пугать», которыми щеголяет молодой поэт. Недурно также: «медью гремят виски» – хотя некоторые быть может предпочтут просто «медный лоб». Отметим также ужасно неискреннюю поэмку «Я», написанную дурной прозой («В университете я не сумел учиться», «сумела бы мне сказать» и т. д.). Узнаем между прочим о каком-то «командире пехотной роты», который не читал «ни одной строчки Ронсара». Лев Гордон считает это смертным грехом, а почему, не вижу. Есть очень умные французы, которые никогда не читали Дельвига.

Покончив с ужимками Льва Гордона, обратимся к третьему автору – кн. Шаховскому. Несмотря на туманность его стихов, на обилье слабых и подчас безграмотных строк (что значит «оголубя», «длинн», «шелкошелесты?»), надо признать, что он (да простится мне невинный галлицизм) больше поэт, нежели ярко-банальный Илья Британ и тайно-банальный Лев Гордон. Книга его – робкая, тихая. Пишет он словно ощупью. Но у него есть отрадная черта – вдохновенье. Настоящего поэта можно всегда узнать потому, что мысль его вся целиком превращается в строфу, заполняя ее всю, начина<я> от первого слова первой строки и кончая последним словом четвертой. Иначе говоря, мысль органически сливается с ее звуковыми изгибами, не теряясь и не меняясь на поворотах. Ведь как часто бывает, что вдохновенье создает только две строчки строфы, а две другие приходится подыскивать. У Шаховского мы находим по крайней мере три-четыре таких «полных» строфы. Например: «Тяжелым сном уснули веки, перед рассветом павши ниц, и жизнь ушла, но не навеки за тайну нежную ресниц». Или: «но в весенних сумерках стройных, где для мира безмолвствуешь ты, дай остаться чужим, беспокойным, недостойным твоей наготы».

В заключение автору этой бледной тоненькой книжечки хочется сказать: нужно быть бодрей, веселей, проще. Мир состоит не из одних звезд и паутин <?>. И лучше избегать символизма.

В. Сирин

Комментарии

...Илья Британ... – Илья (Илія) Александрович (Аронович) Британ (28 мая 1885, Кишинев – 15 декабря 1941, расстрелян в крепости Монт-Валерьян близ Парижа) родился в состоятельной еврейской семье. Закончив гимназию в Саратове, учился на юридическом факультете Казанского университета; затем служил в Москве помощником присяжного поверенного судебной палаты М. Л. Мандельштама и присяжным стряпчим коммерческого суда, вел как уголовные (см.: Короленко 1911: 161), так и гражданские дела вплоть до 1917 г.⁶ Товарищ Британа по московской адвокатуре А. П. Шполянский (впоследствии известный как поэт Дон-Аминадо) вспоминал о нем: «Небольшого роста, коренастый, близорукий, великий упрямец и отличный говорун, <...> совмещал он в себе много странного, и на первый взгляд несовместимого. Не удовлетворившись казённым дипломом, блестяще защитил диссертацию <...>, а в свободное время писал на каких-то замусоленных обрывках бумаги или на пожелтевших календарных листках отличные лирические стихи, и считал Иннокентия Анненского первым и единственным поэтом на всю Россию и на весь мир» (Дон-Аминадо 1991: 81).

Утверждения, что «в начале Первой мировой войны Британ, неожиданно для всех, ушел в монастырь, где провел почти пять лет» (Телицын 1998: 430), не соответствуют действительности, хотя в конце 1910-х годов он увлекся христианством и посещал лекции по богословию в светской Православной народной академии, которая открылась в Москве в июне 1918 г.

В апреле 1921 г. беспартийный Британ был избран депутатом Московского городского совета и вскоре обратился к Ленину с просьбой содействовать созыву совещания беспартийных членов совета, поскольку его неоднократные обращения к председателю Моссовета Л. Б. Каменеву не привели к желаемому результату (см.: Ленинский сборник 1932: 330). О его дальнейшей политической

---

⁶ См.: Вестник 1915: 465; Вестник 1916: 135; Право. 1917. № 9. 30 марта. С. 539.

деятельности в Моссовете (не отразившейся в опубликованных документах и советской прессе), как справедливо заметил А. С. Изгоев, «известно только то, что он сам о ней сообщил» – прежде всего, в антибольшевистском памфлете-мистификации «Ибо я – большевик!!..» (1924), выданном им за письмо от одного из кремлевских вождей⁷. Фиктивный корреспондент Британа пишет:

Помните (я нарочно так часто напоминаю вам о прошлом!), как вы, став членом Московского Совета, лидером беспартийных, которые, будучи взяты нами для декорации в количестве 30% всего состава этой говорильни, ни разу, конечно, не поддержали нас... даже тогда не поддержали, когда вы имели наглость потребовать от нас созыва учредительного собрания (это в 1921 году? Чудак!), помните ли вы свое громовое послание к Ленину, написанное вами как «народным депутатом»? Мы все ужасно смеялись, читая ваши искренние благоглупости, которыми вы хотели поучать нас, объясняя, что такое Россия и в чем ее истинное назначение. Ах, тогда вы сами верили в Ленина и думали, что царь-батюшка не видит того, что видите вы, и что злые слуги-советчики скрывают от его ясных очей горе и муку любимой вами и близкой сердцу цареву – России <...>. Знаете ли, что сказал Ильич, имевший терпение (гордитесь!) до конца дочитать ваше послание, «полное яду»? А вот что, теперь открою вам: «Хороший он, по-видимому, человек и жаль, что не наш». Потом, откашлявшись, добавил: «И – умный, очень умный, но – дурак!» ([Британ] 1924а: 26, 27).

Как следует из того же источника, за свои выступления в Моссовете Британ был подвергнут репрессиям. «Вы совершенно неисправимы, – пишет ему «кремлевский вождь», – ни тяготевший над вами расстрел, ни долгая ссылка к черту на кулички, куда мы уpekли вас три года тому назад, не стесняясь вашим громким званием «члена Московского Совета», ни, наконец, высылка за границу, где мы хотели проучить вас прелестями «гнилого Запада» и тоскою по дорогой вам Москве, – увы, ничто не

---

⁷ См.: Изгоев А. С. О мнимом «письме Бухарина». – Сегодня. 1928. № 74. 17 марта.

заставило образумиться вашу буйную никчемную голову» ([Британ] 1924а: 7). Когда в 1928 г. «Ибо я – большевик!!..» без ведома автора был опубликован во французском переводе как подлинное письмо Бухарина наркому Британу, он выступил в «Руле» с опровержением, заявив: «...никакого письма от Бухарина я никогда не получал, народным комиссаром, слава Богу не был, состоял членом Моссовета, каковое звание мне чуть не стоило жизни, был за это дважды в тюрьме и дважды выслан»⁸. В очерках автобиографического характера Британ рассказывал, что он сидел в Бутырской тюрьме, а затем был сослан в «город У.» Вологодской губернии, в 60 верстах от железной дороги (Устюг или Устюжна), где работал учителем литературы и заведующим школой⁹.

Высланный в 1923 г. из СССР, Британ обосновался в Берлине, где развернул бурную литературную деятельность. За один год, с июля 1924 по июль 1925 г., он выпустил пять (!) поэтических книг – сборники «Богу», «С детьми», «Разноцвет», «Полдень» и поэму «На пороге», а также пьесу «Изгнанники» с подзаголовком «Переживания в четырех действиях». Стихи никому доселе неизвестного поэта вызвали разноречивые отклики в эмигрантской печати. Юлий Айхенвальд, главный критик «Руля» (с которым Британ вскоре начал сотрудничать), отнесся к ним весьма сочувственно. В рецензии на первые два сборника Британа, «Богу» и «С детьми», он писал, что они «во многом интересны и подкупают силой своего неподдельного лиризма», хотя автору следовало бы произвести более «строгий эстетический отбор» стихов¹⁰. Сходную оценку он дал и «Разноцвету»: «Этот стихотворный сборник много выиграл бы, если бы стихотворений в нем не было так много. <...> В данном случае эта избыточность материала тем более досадна, что из-за нее

---

⁸ Британ И. Письмо Бухарина. (Письмо в редакцию). – Руль. 1928. № 2210. 3 марта; ср. аналогичное письмо в «Возрождении»: Британ И. Письмо в редакцию. – 1928. № 1008. 6 марта.

⁹ Ильяс [И. Британ]. Одно и то же. – Руль. 1928. № 2351. 21 августа; Британ И. Современные новеллы. – Руль. 1928. № 2302. 24 июня.

¹⁰ Б. К. [Ю. Айхенвальд]. Илья Британ. Богу. Берлин 1924. <...> С детьми. Берлин 1924. – Руль. 1924. № 1104. 23 июля.

бледнее становятся бесспорные достоинства стихов, и количеством здесь ослабляется качество. Если отбросить лишнее, то “Разноцвет” приобретает замысловатый внутренний рисунок и необычную композицию настроений»¹¹. Еще более комплиментарным был отзыв Константина Бальмонта, возвестившего, что «в лице Британа возникает новый Русский поэт с несомненным дарованием, с самостоятельной душевной жизнью, искренности напряженной и трогательной»¹².

С другой стороны, критики младшего поколения подвергли стихи Британа уничтожающей критике. Возражая Бальмонту, Георгий Адамович отказал Британу в звании «нового поэта». «Не беда, – писал он, – что у Британа очень много недостатков. Много хуже то, что в его стихах “не за что зацепиться”. Они льются ровным и гладким потоком, теплым и водянистым. <...> Новый поэт останавливает внимание, к нему хочется “прислушаться”. В стихах Британа прислушаться не к чему: слов много, а голоса нет. <...> По вялости и расплывчатости стиля, по ритмическому безличию, стихи И. Британа происходят скорее всего от Апухтина и восьмидесятников. Но он читал символистов и научился без всякого разбора уснащать свои вещи словами многозначительными и таинственными: Голгофа, Сатана, Рок, Вечность. А ведь обо всем этом мы так мало знаем и так смутно можем догадываться, что лучше бы помолчать. Ежеминутные словесные упражнения на эти темы невыносимы» (Звено. 1924. № 96. 1 декабря. С. 2; цит. по: Адамович 1998: 122–123). Позже, в рецензии на «Полдень», Глеб Струве вслед за Адамовичем категорически отказал Британу в поэтическом даре:

Он принадлежит к той несносной породе поэтов, которые, не обладая подлинным даром, считают нужным на все «откликаться» стихами большей частью сентиментальными, напыщенными или безвкусными. Искать на 198 страницах (мелкого шрифта!) книжки

---

¹¹ Б. К. [Ю. Айхенвальд]. Илия Британ. «Разноцвет». Берлин 1924. – Руль. 1924. № 1206. 19 ноября.

¹² Бальмонт К. Незамеченный (И. Британ. С детьми. – Богу. – Разноцвет. Берлин, 1924). – Последние новости. 1924. № 1385. 30 октября.

Британа хороших, удачных строк, – занятие неблагодарное. <...> Рифмы Британа неинтересны, его ритмы однообразны и скучны, звон его стихов раздражает. В этом винегрете из Надсона, Брюсова, Апухтина, Блока и Северянина нелегко найти что-нибудь запоминающееся¹³.

Не менее суров был и критик рижской «Сегодня» Виктор Третьяков – по слову Н. Оцуа, один из наиболее культурных посетителей поэтических вечеров и студий в Петрограде 1919–1920 гг. (см.: Оцуп 1930–1931: 266), член петроградского Союза поэтов, большой поклонник Михаила Кузмина и Николая Гумилева:

Странное впечатление производят книги Ильи Британа. Никто почти его не знал, ни в журналах, ни в газетах не приходилось встречать его имя, и вдруг человек выбрасывает сразу полдесятка книг <...>. Автор, видимо, долго молчал, копил, а потом взял да сразу все и высыпал. Стихи у него звонкие, технически не только грамотные, но и весьма бойкие. <...> Но в чем же дело? Отчего его стихи все же впечатления не производят? <...> Ясно, что г. Британ пишет под чужую музыку, что его вдохновения бескрылы; им нужна чужая мелодия и чужие ритмы. Переживания автора не глубоки и не оригинальны, но если бы он вкладывал их не в готовые формы, а искал бы для них своего подходящего художественного выражения и не писал бы на любую тему, то и стихи его не были бы так самоуверенны и так многочисленны. Его поверхностное отношение к поэзии обнаруживает в нем дилетанта, хотя и не без дарования¹⁴.

Очевидно, что оценки Набокова в основном совпадают с тем, что писали о стихах Британа Адамович, Струве и Третьяков (все трое – поэты акмеистской выучки).

---

¹³ Струве Г. Дмитрий Кобяков. Керамика. Книгоиздательство «Птицелов». Париж. 1925 <...> Илья Британ. Полдень. Берлин. 1925 <...> Владимир Диксон. Ступени. Париж. 1924. <...> Кн. Д. А. Шаховской. Песни без слов. Издательство Русских Писателей в Бельгии. Брюссель 1924 <...>. – Возрождение. 1925. № 6. 8 июня.

¹⁴ В. Т. [В. Третьяков]. Илья Британ. «Разноцвет». «Богу». «На пороге». Стихи. Берлин. – Сегодня. 1925. № 144. 4 июля.

После короткой вспышки поэтическая продуктивность Британа почти полностью сходит на нет. Во второй половине 1920-х годов он публикует лишь мистерию «Мария» (1927), а также время от времени печатает в «Руле» и некоторых других эмигрантских изданиях стихи, рассказы и очерки на разные темы. О том, чем занимался Британ в 1930-е годы, никаких сведений обнаружить не удалось. В прощальном письме сыну, написанном 14 декабря 1941 г. накануне расстрела, он просит переслать в Нью-Йорк, графине Толстой, рукопись романа или повести, над которой он работал много лет (чудом сохранившееся письмо напечатано в книге: Дон-Аминадо 1991: 84), но она, по-видимому, была утрачена. Известно, что в марте 1938 г. Британу как еврею с советским паспортом было предписано в короткий срок покинуть пределы Германии, причем все его состояние в три миллиона франков (в пересчете на сегодняшний масштаб цен – более миллиона долларов) было конфисковано. Не получив французскую визу (см.: Будницкий, Полян 2013: 250, 276), 6 октября Британ нелегально въехал во Францию, где ему сначала было отказано в предоставлении убежища, а затем, под давлением Комитета защиты прав евреев центральной и восточной Европы (Le Comité pour la defense des droits des Israélites en Europe centrale et orientale), предоставлен временный вид на жительство¹⁵.

В Париже Британ зарабатывал на жизнь переводами и получал ежемесячное вспомоществование от Комитета помощи евреям-беженцам (Le Comité d'assistance aux réfugiés israélites). После оккупации Франции по требованию немецких властей Британ был арестован и 22 июля 1941 г. отправлен в концентрационный лагерь Дранси (Drancy), где содержались интернированные евреи. В лагере Британ заявил, что он – человек без вероисповедания («*etait sans religion*»), а не еврей и, следовательно, интернирован без законных оснований. Было проведено полицейское расследование, которое установило, что сын Британа Александр (род. 1927)

---

¹⁵ Все сведения о Британе во Франции взяты из основанной на архивных документах статьи в электронной энциклопедии «*Dictionnaire biographique: Fusillés, guillotiné, exécutés, massacrés 1940–1944*» (см.: Grason s. a.).

учился в еврейской школе, а сам он получал помощь от еврейских организаций. Кроме того, ему вменили в вину сотрудничество в Германии с антифашистом и пацифистом Карлом фон Осецким, из-за чего признали «сочувствующим коммунистическим учениям, подозрительным и опасным для внутреннего порядка». 14 декабря 1941 г. Британа вместе с большой группой узников-евреев перевезли в крепость Монт-Валерьен и на следующий день расстреляли в числе 90 заложников.

По замечанию на полях принадлежавшего Берберовой экземпляра «Дара» Набокова (хранится в библиотеке Weinecke Йельского университета, call number 1998 483, de visu), Британ явился прототипом комического персонажа романа – прибалтийского немца Германа Ивановича Буша, который на литературном собрании читает свою нелепую философскую трагедию, а затем помогает главному герою издать его книгу о Чернышевском. Отождествляя Буша с Британом, Берберова скорее всего имела в виду дилетантский характер их писаний, устремленных к философствованию, мистике, богоискательству. Приведенные в романе фрагменты из трагедии Буша пародируют мистерию Британа «Мария», в которой есть символистские эпизоды «под Блока» и религиозно-философские диалоги в духе второй части «Фауста». В прологе мистерии появляются условные персонажи: Он, Она, Люди, Тень, Милостивый, Одинокий; в одной из сцен героиня приносит герою «букетик лилий» (ср. Торговку Лилий в «философской трагедии» Буша), от которого тот гордо отказывается: «*Маня. Возьми цветы, возьми. Прошу. Глеб. У лилий нет шипов*» (Британ 1927: 32, 34); действие завершается пляской масок (ср. «Танец Масков» у Буша).

Использован в «Даре» и однажды допущенный Британом смешной ляпсус. В стихах Яши Чернышевского герой обнаруживает «преlestный гибрид» – упоминание о «фресках Врублева». Набоков по всей вероятности заметил эту контаминацию Врубеля и Андрея Рублева в стихотворении Британа «В Лавре» («Мой отдых у липы недолог...»), напечатанном в «Руле». Его третья строфа читается так:

«Холодная правда сурова, / Бесцельна житейская пыль; / Но тихие фрески Врублева / Смирили лукавую быль»¹⁶.

Отметим прежде всего, что Илья Британ – православный священник. Сан его настойчиво просвечивает в большинстве его стихов. – Можно предположить, что Набоков называет Британа православным священником не по ошибке, а в насмешку над аффектированным богоискательством и назойливой христианской символикой, которыми отличаются многие его стихи. Из них нельзя не понять, что Британ вовсе не иерей, а еврей, который отрекся от иудаизма, но, обратившись к христианству, не смог полностью его принять – «отверг Синай и Назарет, / Искал Закон какой-то третий» (58). Ср. также: «Навек утратил я прекрасный щит Давида / И в муках не обрел желанного Христа» (23) или «Мне нет Вифлеема, мне нет и Синая: / Близка лишь Голгофа, и та – без креста» (31). Лев Розенталь, герой-резонер пьесы Британа «Изгнанники», которого все называют «православным евреем», хоть он и не крещен, и который заявляет о себе: «Я еврей, потому что я христианин, и христианин – потому что я еврей» (Британ 1924: 14), очевидно, выражал межеумочную религиозную позицию автора¹⁷. О том, что Британ не принял крещение, свидетельствует и его заявление, сделанное в лагере после ареста в 1941 г., когда он назвал себя не православным или католиком, а человеком без вероисповедания (см. выше).

...«уйти мне тягостно, обедни не донев»... – из стихотворения «Нет, муза-вестница, молчать тебе не след!...»: «Уйти мне тягостно, обедни не донев; / А дни бегущие – коварны и лукавы: / Что им до Вечности, до светлой Божьей славы? / О, муза горняя, венец небесных дев!» (6).

...«забыл я свой тропарь»... – из стихотворения «Сегодня Рождество. Как беленькие пчелки...»: «Сегодня Рождество. И славу в вышних Богу / Мятелица поет. – Забыл я свой тропарь! / Вези меня,

¹⁶ Британ И. В Лавре. – Руль. 1926. № 1651. 9 мая.

¹⁷ Ср.: Каменецкий Б. [Ю. Айхенвальд]. Литературные заметки. – Руль. 1925. № 1250. 14 января.

ямщик, скорей в мою берлогу: / Украсить я хочу разрушенный алтарь» (30).

...«*спю панихиду*»... – из стихотворения «Эй, палач, загляни-ка в наш город...»: «Ты, Земля, – город жуткий и черный; / Смерть-палач, мсти за Божью обиду! / Я проклятье рассыплю, как зерна, / И по миру *спю панихиду*» (50).

...«*пропел я господу мой страждущий хорал*»... – из стихотворения «Ах, все минувшее равняется нулю...»: «*Пропел я Господу мой страждущий хорал: / В нем правда мудрая без горького соблазна; / Но жил я грешником, хоть людям и не лгал, / Губил я ближнего, но, нет... не безнаказно!*» (212).

...в *Илье Британе таится, по его словам, «кощун», т. е. дух кощунства*... – из первой строфы стихотворения без названия: «О, песни жуткие, мечтателя спасли вы, / Но кто другой поймет рыданье этих струн? / Безумцы праздные промолвят: «Юродивый!» / Святой, услышав их, мне скажет: “Ты – кощун!”» (208). Если Набоков считал, что Британ неверно использует древнерусское «кощун» в значении «кощунник, богохульник, тот, кто насмехается над святынями», то он ошибался, ибо в литературном языке такое значение слово приобрело не позднее XVIII в. См., например, басню Сумарокова «Эзоп и кощун» или заключительную строку стихотворения Державина «Дева за арфою» (1805): «Кощуну, прочь! – Есть Бог!» (Державин 1865: 543).

...«*из церкви убежав с ребятами вприпрыжку*»... – из первой строфы стихотворения без названия: «Мне любо: отложив таинственную книжку, / Сесть в тройку, взять вина и мчаться вдруг к цыганам; / *Из церкви убежав с ребятами вприпрыжку, / Резвиться и шалить задорным мальчуганом*» (70).

...*наш иерей попадает в омут «отравной» любви*... – Эпитет «отравный» Британ использовал в стихотворении «Я – образ, я подобье Божества» с другим существительным: «Давно, душа, *отравным* сном ты спишь! / Мои мечты всю жизнь мне раскололи; / Понять сумей, что тот свободен лишь, / Кто сам себя предал Господней воле» (75). Набоков обращает на него внимание, потому что в классической поэзии XIX в. он не встречается; согласно

поэтическому НКРЯ, зарегистрирован впервые в 1906 г. (Вяч. Иванов, А. Тиняков) и ассоциируется прежде всего с ранней Ахматовой. Ср. в «Сегодня мне письма не принесли...» и «Вере Ивановой-Шварсалон» («Туманом легким сад наполнился...») из книги «Вечер» (1912): «Твоя печаль, для всех неаяная, / Мне сразу сделалась близка, / И поняла ты, что *отравная* / И душная во мне тоска»; «Теперь весна, и грусть весны *отравна*, / Он был со мной еще совсем недавно» (Ахматова 1912: 71, 77).

Там он подносит возлюбленной «бокал из баккара»... – это происходит в стихотворении «То было так давно и будто как вчера...»: «Без слов я вам *поднес бокал из баккара*, / Старинный, кажется, но скромный, без оправы / И не сказал тогда, к чему вам этот дар». В финале стихотворения выясняется, что этот бокал «безумная женщина» должна либо разбить, либо наполнить ядом и отравиться: «То яду ты налей *в бокал из баккара* / И выпей, гордая: тогда прощу я тоже» (39).

...просмотрев потрепанный том Апухтина... – Адамович и Г. Струве в свои рецензиях, как и Набоков, возводят к Апухтину поэтическую генеалогию Британа (см. выше).

...«она не смеет спать. От жгучей черной боли ожил в ее груди отравленный гранит»... – из стихотворения «Она не смеет спать! И блещут в жутком мраке...»: «Она не смеет спать! *От жгучей черной боли / Ожил в ее груди отравленный гранит*, / И мысли о былом, как мстительные тролли, / Прогнали дым надежд. Ее покой убит» (42).

...«если захочу я тоже знойных мук, я брошусь на бульвар: таких как вы там много»... – финал стихотворения «Тебя он грубо взял, как уличную дрянью...»: «Устала от мечты? Любовь, ты – злой паук... / Оставьте же меня... уйдите... ради Бога! – / *А если захочу я тоже знойных мук, / Я брошусь на бульвар: таких, как вы, там много*» (159).

...«любовь – страдание вдвоем» и «источник зла»... – контаминация сентенций из двух стихотворений, романа «Пойте, пойте мне песню, цыгане...» («О любви рассказать не забудьте: / Я сгорел в ее пламени злом, / Все отдавши заветной минуте. / О любовь, ты – *страданье вдвоем*» – 65) и автобиографического «Pirmavèra»: «Без

шапки, без пальто удрал я, против правил / С хозяйкой не простясь.
Любовь – источник зла!» (176).

...возвращается к своему «алтарю»... – шаблонные метафорические алтари украшают многие стихи сборника. Ср., например: «Украсить я хочу разрушенный алтарь» (30); «И страсть земную одалиски / Принес к святому алтарю» (80); «Прощай, прощай, прощай, мой тихий уголок, / Мой маленький алтарь, приют моей свирели» (178); «И ты, – ты первая! Ведешь ты к алтарю, / Ты солнце Вечности, ты – правды естество...» (185).

...«*детки милые придут ко мне на клирос*»... – Последняя строка стихотворения «Стихов божественных суровая царевна...» (8).

...угощает их целым отделом «детских» стихов... – имеется в виду раздел «С детьми» (99–114), продолжающий ранее вышедший одноименный сборник. Детские стихи Британа хвалил Бальмонт, писавший: «Поэт любит детскую душу и ему часто удается поэтизировать детскую речь и детский способ чувствования. Это нельзя не ценить: стихи о детях и стихи для детей относятся к разряду труднейших стихотворных достижений и слишком часто, даже у очень больших поэтов, делаются фальшивыми»¹⁸. Адамович, наоборот, назвал эти стихи «дурной подделкой», которая вызывает чувство острой неловкости, «как если при вас человек паясничает» (Адамович 1998: 123–124).

...«*лукавый голос веселой пеночки*»... – из стихотворения «Дождю»: «Нам скучно, дождичек, – нам хочется в лесок; / Погода серая нас в комнатах неволит... / Ну, будет, миленький... Лукавый голосок / Веселой пеночки тебя о том же молит» (101).

...и «*солнышко*», и «*Боженька*», и даже *какая-то «бабаня»*... – Набоков насмехается над стихотворением «Письмо» («*Боженька милый! Тебе написать я письмо обещала...*»), написанном от лица маленькой девочки. Ср.: «Вот и вчера надерзила *бабане*, заплакала мама! <...> *Солнышко* светит; веселой сиренью покрыло аллею... *Боженька*, я ль виновата, что глазки все плакали, плакали!..» (99).

---

¹⁸ Бальмонт К. Незамеченный (И. Британ. С детьми. – Богу. – Разноцвет. Берлин, 1924). – Последние новости. 1924. № 1385. 30 октября.

Это же стихотворение как пример фальши цитировал Адамович в своей рецензии (см.: Адамович 1998: 123).

«Я твердо ей сказал: терпеть, голубка, надо! – Заплакала она на маленькой груди» – из стихотворения “Primavera” о детской любви: «Сначала умереть хотели мы от яда; / Потом нам стало жаль: ведь счастье – впереди! / Я твердо ей сказал: “Терпеть, голубка, надо”. / Заплакала она на маленькой груди» (175).

В юности ему «ближе был других измученный рабочий» и нравились «всегда убогие крестьяне». – из стихотворения «Без песни засыпал я в детской колыбели...»: «Всегда, всегда один. Бродя до поздней ночи, / Я сердце болью сжег, живя, как все, в обмане; / Мне ближе был других измученный рабочий, / Мне нравились всегда убогие крестьяне» (192).

...ибо шестистопный ямб его и раньше почти лишенный пэонов... – Т. е. пропусков ударений на одном или нескольких иктах. Набоков уделил немало времени изучению ритмической структуры русского шестистопного ямба – размера, который в юности был особенно им любим. В письме Набокова к сестре – Е. В. Сикорской – от 3 августа 1950 г. есть такие слова: «У меня хранятся именно те таблицы, которые мы мастерили в Крыму, и я по ним учу, по системе А. Белого, студентов» (Набоков 1985: 62). Упомянутые таблицы (или часть таблиц) сохранились до наших дней – и находятся в Нью-Йоркской публичной библиотеке. Речь идет о двух школьных тетрадах формата 172 × 206мм: в первой тетради представлен эмпирический материал под общим заглавием «О шестистопном ямбе Жуковского»¹⁹; во второй – материалы к работе под общим заглавием «Ритм шестистопного ямба. Е. А. Баратынский»²⁰. Вторая тетрадь включает не только анализ ритмики Баратынского, но и схемы шестистопного ямба Ломоносова, шестистопного ямба

---

¹⁹ Vladimir Nabokov. Album No 1a. – The New York Public Library. The Henry W. and Albert A. Berg Collection of English and American Literature. Vladimir Nabokov Papers. Box 3 (без указания номера единицы хранения; номер поступления: 2007015).

²⁰ Vladimir Nabokov. Album No 1b. – The New York Public Library. The Henry W. and Albert A. Berg Collection of English and American Literature. Vladimir Nabokov Papers. Box 3 (без указания номера единицы хранения; номер поступления: 200718).

Бенедиктова, четырехстопного ямба поэмы Жуковского «Суд в подземелье» (1831–1832), а также анализ ритмики самого Набокова – в том числе его антиблоковской поэмы «Двое» (de visu). О сюжете этой поэмы см. у Брайана Бойда (Boyd 1990: 156–157); также см. обязательно и перевод Г. В. Лапиной (Boyd 2001: 188–189; цитата из неопубликованной поэмы «Двое» – на с. 188).

Мы узнаем, что «гнев народный свят» и что Россия до революции – «сплошная тень», «мертвый мир», «безбожный монастырь» и т. д. – отсылка к программному политическому стихотворению «Путь» («Безумен страшный дар отравленных столетий...») о судьбах России. Ср.: «Она [Россия] – *сплошная тень*, на ней клеймо позора, / Она – как *мертвый луг, безбожный монастырь*; / Над ней покровы туч, дыханье злого мора, / И реет в пустоте кровавый нетопырь. <...> Народ в безумье слеп, рука его сурова, / Но гнев народный свят, и месть его – закон; / Мелькнула тень, гляди: то – призрак Пугачева... / Не внял ему, не внял скользящий в бездну трон» (128, 129).

...«томись и век» (вероятно, eveque?) ты человек»... – из стихотворения «О, жуткий плен...»: «*Томись и век: / Ты – человек, / Что значит: только часть / Немой цепи. / Итак, терпи, / Как пленник, чью-то власть*» (20). Набоков не удержался от двуязычного каламбура, переосмыслив «томись и век» как «томись, évêque» (фр. епископ).

«Дай Вечности», – восклицает он, пользуясь для большей убедительности родительным падежом. – Из стихотворения «Такие есть слова, в которых жало Смерти!...». Женщина, которой лирический герой безуспешно домогался много лет, вдруг проходит к нему и просит: «Взамен моей любви дай Вечности, дай Бога» (41). После глагола «дать» существительное должно стоять в винительном падеже, но для отвлеченных существительных правилен падеж родительный, так что Набоков здесь излишне придиричив.

...истина озаряет его: «Я вовсе не поэт!» и этот внутренний голос говорит ему: «скорее брось в огонь все книги, все тетради и скромно жди конца, – придет когда-нибудь»... – контаминация фраз из двух стихотворений, «Я вовсе не поэт! Я – мудрый звездочет...» (10) и «Что толку вечно ждать! Ведь с каждым новым годом...» (32).

...к нервному и суховатому Льву Гордону... – Лев Семенович Гордон (29 ноября 1901, Париж – 6 июля 1973, Саранск) родился в семье политических эмигрантов, вернувшихся в Россию в 1907 г. С 1917 по 1919 г. учился в Петроградской общественной гимназии Л. Д. Лентовской. Обе русские революции 1917 г. принял с восторгом: в 1919 г. вступил добровольцем в Красную армию, в 1920 г. – в РКП(б). Участвовал в войне Советской России с Эстонией (*Eesti Vabadussõda*) и Польшей (*Wojna polsko-bolszewicka*); был ранен; попал в польский плен.

По возвращении из плена учился на литературном отделении факультета общественных наук Петроградского университета (1921–1923), где его профессорами были В. М. Жирмунский (1891–1971) и В. Ф. Шишмарев (1874–1957). Переводил на французский стихи революционных поэтов.

С 1923 по 1925 г. жил в Берлине, Копенгагене, Лондоне и Стокгольме (в Европу был командирован его отец, высококвалифицированный банковский работник, Семен Львович Гордон (22 мая 1871, С.-Петербург – 1 марта 1943, концентрационный лагерь в Дранси), в 1925 г. ставший невозвращенцем). О первых берлинских впечатлениях и встречах с немецкими коммунистами писал в очерке «Письма из Берлина» (см.: Гордон 1923: 3–4). В Берлине сблизился с кругом сменовеховской газеты «Накануне», в которой сотрудничал; в частности, там была напечатана его рецензия на четвертый сборник «Цех поэтов» (1923. № 484. 18 ноября). Среди его берлинских литературных знакомых следует в первую очередь отметить радикально настроенных членов группы «4+1» – поэтов В. Л. Андреева (1902–1976) и Г. Д. Венуса (1898–1939), прозаика В. Б. Сосинского (1900–1987); о нем знал и Борис Поплавский (см.: Поплавский 2009: 487). После отъезда из Берлина жил не только литературным трудом: хлопотами отца получил работу в советском заграничном банке “Nordiske Kredit” (Копенгаген); в Лондоне был служащим советской же “Arcos Banking Corporation”; в Стокгольме работал в торгпредстве. 20 сентября 1925 г. его командировали в СССР, где он сразу же был арестован «за связь с белой эмиграцией и англичанами» (Генис 2009: 529).

С 1926 по 1927 г. находился в ссылке в Ирбите; с 1927 по 1929 г. – в Перми. В ссылке познакомился с будущей первой женой, М. М. Тумповской (1891–1942) – поэтом и переводчиком из круга Гумилева. Процитируем свидетельство их дочери, М. Л. Козыревой (1928–2004):

По окончании срока ссылки отец работал переводчиком и механиком в гражданской авиации в поселке Удельная под Москвой. В начале 33-го года родители вновь были арестованы (мать – впервые). Мать была через год освобождена, а отец отбывал срок на строительстве Беломорского канала. Был освобожден в августе 1935-го года.

С сентября 1935-го года до начала войны работал преподавателем английского языка в Институте механизации сельского хозяйства в зерносовхозе № 2 (ст. Верблюд) под Ростовом. В 40-ом закончил за год экстерном филологический факультет Ростовского университета и начал работу над диссертацией («Вольтер и его время»).

В начале войны отец ушел на фронт (выучив наизусть проверочную таблицу и тем скрыв от медкомиссии дикую свою близорукость). В конце 42-го года после ранения был демобилизован.

После войны работал в ГПБ им. Салтыкова-Щедрина в Отделе редкой книги, совместно с В. С. Люблинским и Н. В. Варбанец принимая участие в работе над каталогом библиотеки Вольтера. В 1948 году защитил кандидатскую диссертацию.

16 ноября 1949 года был вновь арестован. После длившегося год следствия (отец отказался подписывать какие бы то ни было показания) был отправлен в Тайшетский лагерь [т. е. в тот же лагерь, в котором отбывал свой четвертый срок Ю. О. Домбровский (1909–1978). – А. Д., Г. У].

После реабилитации (в 1956 г.) преподавал историю сначала в Пермском, а затем в Саранском университете. В 1969 г. в Москве при Институте истории состоялась защита его докторской диссертации: «Левое крыло французского Просвещения» (о французских самиздатчиках XVIII в., как выразился Е. Г. Эткинд). За это время им был написан целый ряд научных работ, опубликованных

частью у нас, а частью во Франции и в Германии. По ходатайству дирекции ГПБ продолжал работу над каталогом Вольтера (Козырева 1991: 154–155; см. подробнее: Вольфцун 1999: 204–222; см. вкратце: Вольфцун 2008: 159–164; Поляков 2010: 301–302; также см. воспоминания о Гордоне-преподавателе: Полюдов 2010: s. p.).

Сведениями о личном знакомстве Гордона с Набоковым мы не располагаем, но все же нельзя утверждать, что они никогда не виделись – или по меньшей мере не слышали друг о друге от их общего знакомого, поэта В. Л. Корвина-Пиотровского (1891–1966) (см. о нем: Венцлова 2012: 386–409). Известно, что 9 мая 1923 г. (т. е. на следующий день после берлинского благотворительного бала, на котором Набоков встретил свою будущую жену; см.: Boyd 1990: 206–207). Гордон читал в Берлине свои переводы с французского (см. Chronik 1999: 182, № 2735), «15 марта 1924 г. произносил речь на открытии “Школы живописи” и читал стихи, вместе с Г. Венусом, В. Андреевым, А. Присмановой, С. Либерманом и В. Пиотровским <...>, а 3 мая 1924 г. принимал участие в литературно-музыкальном вечере, посвященном символизму с докладом “Символисты и мы”. На этом вечере выступали Нина Петровская и Вальтер <...>, а также Андреев и Зарецкий» (Поляков 2010: 302; со ссылкой на: Chronik 1999: 218, 224, №№ 3405, 3504).

Книга стихов Гордона «Оттепель» (посвященная его отцу и отражающая увлеченность молодого поэта и Блоком, и Гумилевым, и Мандельштамом, и Маяковским, и модным в начале 1920-х годов среди петроградских молодых поэтов²¹ балладным стихом в духе Киплинга или, вернее, русских переводов из него А. И. Оношковиц-Яцыны) была встречена крайне сдержанно. Нам известна одна-единственная рецензия – Веры Лурье (1901–1998), помещенная в газете «Дни» за 8 марта 1925 г. Приведем ее целиком:

---

²¹ Речь идет прежде всего о таких поэтах из круга Гумилева как Вс. А. Рождественский (1895–1977) и Н. С. Тихонов (1896–1979), с которыми Лев Гордон, по всей видимости, приятельствовал: первому посвящено стихотворение в «Оттепели» «Увидеть вас, сады Декамерона...» (отмечено впервые в работе: Поляков 2010: 301); Рождественскому же посвящена книга Тихонова «Орда» (1922).

Стихи свои Гордон очень правильно разделил на два отдела.

К первому отделу относятся стихи вполне акмеистического толка, очень культурные, доброкачественные и даровитые. Если они и не поражают, то во всяком случае в них чувствуется хорошая петербургская закваска, поэтическая честность, искренность и простота. Некоторые же из них можно даже признать очень талантливими.

Например, какие приятные строфы в «Сентиментальном прощании»:

На Мойке Пушкин жил, а над Невой
Онегин встретил в первый раз поэта...
Не в силах ты, о бедный голос мой,
Припомнить то сверкающее лето...
Здесь тополя на площади хранят
И передали мне с молочным маем
И память декабристов, и сенат,
И строгие морщины Николая.
Мой Петербург, где умер Гумилев,
Где ночью люди говорят о Блоке...
И снятся мне у новых берегов
Твои горбатые мосты и доки...

Весь же второй отдел заполнен произведениями, являющимися продуктом подражания, в лучшем случае, несовершенного ученичества. – Возможно, что поэту надо пройти через них, чтобы в будущем выйти на новый путь более интересного творчества, но в таком случае напрасно он их включил в свой сборник.

Еще входит в «Оттепель» род поэмы «Двести десять». Это крайне неудачное произведение: автор старается подражать «Двенадцати» и писать в схожем стиле. Но что возможно было Блоку, на то не способен всякий поэт. Гордон срывается и получается у него грубовато и безвкусно. Тем не менее в общем сборник «Оттепель» лучше многого, выходящего в печати; пусть сейчас поэт не вполне еще владеет своим ремеслом, в широком смысле этого

слова, в будущем у него есть шансы достигнуть большего и написать нечто ценное для современной поэзии²².

Существует прекрасный поэт Мандельштам. – «Оттепели» предпослан эпиграф из «Сумерек свободы» («Мы будем помнить и в летейской стуже, / Что десяти небес нам стоила земля». – Мандельштам 2009: 103), и Набоков в своей рецензии пишет именно о Мандельштаме, хотя Гордон ориентировался не на него одного. Сказанное в рецензии – единственный отклик Набокова на поэзию Мандельштама, написанный им по-русски. После 1924 г. Набоков не высказывался о Мандельштаме почти сорок лет (хотя сделал несколько реплик в частных письмах, в т. ч. в 1941 г., когда – говоря о возможном составе антологии русской поэзии в переводах на английский язык – он поставил Мандельштама в один ряд с Н. А. Заболоцким и подчеркнул, что оба они уступают двум куда более примечательным поэтам – Пастернаку и Ходасевичу; см.: Nabokov 1989: 37). Несколько индифферентное отношение к Мандельштаму у Набокова изменилось после того, как он прочитал подборку «57 стихотворений» в альманахе «Воздушные пути» (1961) и первый том вашингтонского собрания сочинений поэта (1964). В беседе на телевидении в 1965 году Набоков подчеркнул, что Мандельштам был «величайшим поэтом из тех, кто силился выжить в России при Советах» (“...a wonderful poet, the greatest poet among those trying to survive in Russia under the Soviets”. – Nabokov 1990: 58), но два года спустя, готовясь нанести удар по переводчику Мандельштама на английский язык, заметил, что «через призму трагической судьбы», поэзия Мандельштама «кажется более значительной, чем она есть на самом деле» (“Today, through the prism of a tragic fate, his poetry seems greater than it actually is”. – Nabokov 1990: 97). В 1969 году – в пике американскому поэту Роберту Лоуэллу, чьи переводы (в том числе – из Мандельштама) вызывали в Набокове разлитие желчи, – он перевел на английский мандельштамовское стихотворение «За гремячую

---

²² В. Л. [В. Лурье]. Лев Гордон. «Оттепель». Издание «Меркур». Берлин. – Дни. 1925. № 710. 8 марта 1925.

доблесть грядущих веков...» и поместил этот текст в заметке “On Adaptation” (см.: Nabokov 1990: 280–283; о Набокове и Мандельштаме см. подробнее: Дзядко, Утгоф 2017: 358–359; библиография – на с. 359).

...холод стиха, стрельчатая гармония... – Реминисценция программного стихотворения Мандельштама «Я ненавижу свет...» (1912), вошедшего во все три издания «Камня» (1913, 1916, 1923): «Я ненавижу свет / Однообразных звезд. / Здравствуй, мой давний бред, – / Башни *стрельчатой* рост! // Кружевом, камень, будь / И паутиной стань, / Неба пустую грудь / Тонкой иглою рань! // Будет и мой черед – / Чую размах крыла. / Так – но куда уйдет / Мысли живой стрела? // Или, свой путь и срок, / Я, исчерпав, вернусь: / Там – я любить не мог, / Здесь – я любить боюсь» (Мандельштам 2009: 56). Эпитет «стрельчатый» также встречается у Мандельштама в стихотворении «Реймс и Кельн» (1914) (ср.: «...Но в старом Кельне тоже есть собор, / Неконченный и все-таки прекрасный, / И хоть один священник беспристрастный, / И в дивной целости *стрельчатый бор*». – Мандельштам 2009: 292) и в стихотворении «В тот вечер не гудел *стрельчатый* лес органа...» (1918): первое Мандельштамом в его книги стихов не включалось, а второе Набоков прочел в книге «Tristia» (1922).

...«ласточка» или имена богинь... – Ласточка и ласточки – частотные образы в «Tristia»: встречаются в стихотворениях «Что поют часы-кузнечик...» («Что зубами мыши точат / жизни тоненькое дно, – / Это *ласточка* и дочка / Отвязала мой челнок». – Мандельштам 2009: 100), «Сумерки свободы» («Мы в легионы боевые / Связали *ласточек* – и вот...». – Там же: 103), «Когда Психея-жизнь спускается к теням» («...Слепая *ласточка* бросается к ногам / С стигийской нежностью и веткою зеленой» – Там же: 109), «Ласточка» («Я слово позабыл, что я хотел сказать. / Слепая *ласточка* в чертог теней вернется...»; «...То мертвой *ласточкой* бросается к ногам / С стигийской нежностью и веткою зеленой»; «Всё не о том прозрачная твердит, / Всё – *ласточка*, подружка, Антигона...». – Там же: 110), «Чуть мерцает призрачная сцена...» («...И живая *ласточка* упала / На горячие снега». – Там же: 112),

«Мне жалко, что теперь зима...» («Стрекозы вьются в синеве / И ласточкой кружится мода...». – Там же: 114) и «За то, что я руки твои не сумел удержать...» («...И серую ласточкой утро в окно постучится...». – Там же: 115). Те же образы встречались и в вышедшем ранее «Камне»: в стихотворениях «Пешеход» («Я ласточкой доволен в небесах / И колокольни я люблю полет!» – Там же: 57) и «От вторника и до субботы...» («И ласточки когда летели / В Египет водяным путем, / Четыре дня они висели, / Не зачерпнув воды крылом». – Там же: 83).

...«дымок дешевой легкой папиросы мне кружит голову хмельней вина»... – Из второй строфы начального стихотворения «Оттепели»: «О, мимолетной оттепели час... / Мне легкий ветер рассекает губы, / И хрустнул лед – кто обронил алмаз? / Кто затрубил в неведомые трубы? // Дымок дешевой легкой папиросы / Мне кружит голову, хмельней вина, / И звонкие ликующие осы / Поют в висках, и новая весна / Близка...» (9).

...«прозрачные, задумчивые дали пересекает ласточкою лето...» – Начальные строки четверостишия, подписанного «Балаклава 1923»: «Прозрачные, задумчивые дали / Пересекает ласточкою лето, / А виноград как будто выпил света, / Как будто солнцем золотистым налит» (11).

...«И пляшут в звонком полукруге мои стеклянные шары». – Концовка стихотворения «Жонглер»: «Глядите-ж, девушки, в испуге / на хмель мальчишеской игры!.. / ...И пляшут в звонком полукруге / Мои стеклянные шары» (15).

...Гордон советует стихотворцу быть «ювелиром золотого слова» или, другими словами, писать правильный сонет, как он сам делает, «выполняя собственный завет». – Из сонета «Прошное», подписанного «Москва 1923»: «Уйми разгул бунтующих стихов, / Похмелье творческое слишком пьяно. / Налей в бокал старинного чекана / Пурпурное вино веселых строф. // Учись у флорентийских мастеров / Выковывавших чашечкой тюльпана / Эфесы шпаг своих. Такая рана, / Таким оружием – есть дар богов! // Будь ювелиром золотого слова, / Чекань его, как кубок иль стилет, / Как, выполняя собственный завет, // Я заключил свои стихи в оковы, / И гранями

сверкает мой сонет / – Тюльпан четырнадцатилепестковый [обратим внимание на редкую ритмическую форму пятистопного ямба в последней строке. – А. Д., Г. У.]» (14).

Но выполняет он его плохо: в сонете нельзя рифмовать «слова» и «оковы», а также недопустимо отсутствие опорной согласной в «небогатых» мужских рифмах... – Набоков по всей вероятности знал книгу Н. Н. Шульговского «Теория и практика поэтического творчества: технические начала стихосложения», в которой правилам построения сонетов посвящена большая глава с примерами (см.: Шульговский 1914: 458–499). В частности, Шульговский писал: «Рифмы, избранные для сонета, должны отличаться наибольшей степенью совершенства, т. е. относиться к высшему их разряду...» (Там же: 475–476). Совершенными рифмами высшего разряда он называл точные полноударные рифмы с общей согласной перед основной гласной рифмующихся слов, которая по-французски называется «*consonne d'appui*» (Там же: 356). В 1922 г. В. М. Жирмунский отметил, что недавно в моду вошла неточная рифма или «рифмоид», – «уместная в разговорном стихе ахматовских “Четок”, но совершенно неуместная в применении к строгой форме октавы или сонета» (Жирмунский 1922: 44). Примечательно, что на фоне эпохи рифма Набокова – крайне архаична: до 1923 г. «он не только избегает неточных рифм больше, чем даже старшие поэты, он широко пользуется йотированными рифмами, которые в его время уже ощущались как старомодное воспоминание о пушкинской эпохе» (Смит 2002: 110).

...на 17-ой странице мы находим знакомый «душный и тяжелый» воздух, «тысячелетний мед», «пряжу Ариадны или Парки?» – Из стихотворения, подписанного «Балаклава 1923»: «Синий воздух, *душный и тяжелый*: / Как *тысячелетний*, терпкий мед, / А в висках – встревоженные пчелы, / Направляющие вдаль полет. // Вечер солнечный и слишком жаркий / Должен в памяти я сохранить... / Жизнь моя, натянутая нить / – *Пряжа Ариадны или Парки?*» (17). В читательском сознании эти стихи Гордона сопрягаются – прежде всего – со следующим стихотворением Мандельштама из книги «Tristia»: «Сестры – тяжесть и нежность,

одинаковы ваши приметы. / Медуницы и осы тяжелую розу сосут. / Человек умирает. Песок остывает согретый, / И вчерашнее солнце на черных носилках несут. // Ах, тяжелые соты и нежные сети! / Легче камень поднять, чем имя твое повторить. / У меня остается одна забота на свете: / Золотая забота, как времени бремя избыть. // Словно темную воду, я пью помутившийся воздух. / Время вспахано плугом, и роза землю была, / В медленном водовороте тяжелые нежные розы, / Розы тяжесть и нежность в двойные венки заплела» (Мандельштам 2009: 121). О мотиве дыхания (и задыхания) у Мандельштама см. в классической работе: Taranovsky 1976: 1–20; Тарановский 2000: 13–39.

...«*Ветер злой над темной дорогой, земля сорвалась – слышишь крик? И в ночи, под звездной тревогой листает ноты глухой старик*». – Заключительная строфа стихотворения, посвященного Е. И. Бондер и подписанного «Берлин 1923»: «Знающий бога – немногословен, / Голос дрожит – к чему слова? Сердце – тяжелый уголь – Бетховен, / Грива, седая голова. // В жилах течет косматое пламя, / Что же – химеру прижми к груди, / – Пусть разрывает ее когтями / – Смерти нет – а любви не жди! // *Ветер злой над темной дорогой, / Земля сорвалась – слышишь крик? / И в ночи, под звездной тревогой / Листает ноты глухой старик*» (27).

...хамоватый спондей... – Здесь – соседство двух ударений – как, например, в «Двенадцати» (1918) Блока в начале строки «Эх, эх, без креста!» (Блок 1999: 11, 12).

...и отвратительную привычку корчить из себя «бродяг», «босяков»,двигающихся по ландшафту, где очень много «буераков», «полыни», «гари» и очень мало поэзии. – Создавая обобщенный образ чуждой ему поэтики, Набоков отходит от текста книги стихов Гордона: в «Оттепели» нет «буераков», нет ни «гари», ни «босяков» (есть строки «И дымом пахнет кочевье, / И пахнет конем костер» (31), а также такие образы как «...губы, / что помнят привкус золы» и «...милый / привалов синий дым» (35); «босяков» заменяют «варнак» (33), «разбойнички» и «атаман» – 55). «Бродяги» в книге встречаются («...бродяги / с винтовкой на смуглых плечах» (54), «веселые бродяги» (12) – в «Балладе широкой дороги»), а вот

сказать» и т. д.). – Называя *vers libre* поэмы «Я» «дурной прозой», Набоков не столько подчеркивает стилистические изъяны Гордона, сколько апеллирует к стихотворению Пушкина «Послушай, дедушка, мне каждый раз...» (1818) (ср.: «Послушай, дедушка, мне каждый раз, / Когда взгляну на этот замок Ретлер, / Приходит в мысль, что, если это проза / Да и дурная?.....» – Пушкин 1949: 464). На момент работы над рецензией Набоков, по всей вероятности, или не был знаком со стихотворением Мандельштама «Нашедший подкову (Пиндарический отрывок)» (1923), написанным свободным стихом, или отнесся к этому тексту крайне скептически. О скептическом отношении Набокова к *vers libre* говорит и метрический репертуар его русских стихотворений: в него входит один-единственный текст, написанный свободным стихом – это «Снег» (1930).

Узнаем между прочим о каком-то «командире пехотной роты», который не читал «ни одной строчки Ронсара». Лев Гордон считает это смертным грехом, а почему, не вижу. Есть очень умные французы, которые никогда не читали Дельвига. – Цитируются следующие строки из поэмы «Я»: «А другие – те, кого помню – / Не умели принять меня: / Одна / Испугалась грубости / – Я вернулся с военной службы, / Поворачивался по-солдатски, / И очень громко топал. / Она называла меня / „Товарищ“<, > / Считая это очень обидным – / А я просто сильно любил, / Как любит вернувшийся с фронта, / Изголодавшийся по свету и воздуху. / Другая / Не успела узнать меня, / Как ее убили налетчики, / Какой-то финн, топором... / В это время сидел я дома, / Читал Раблэ, / Впитывая здоровье веков. / Третья / Была давно замужем, / За человеком, годным только / *Командовать пехотной ротой.* / Он тоже писал стихи / Даже довольно сносные, / В то же время ничего не зная, / *Ни одной строчки Ронсара* / – Даже Катулл ему неизвестен! / А она любила его...» (45–46). В этих стихах Гордон применяет прием, подсказанный Блоком, который – в стихотворении «Она пришла с мороза...» (1908) – компенсировал «непоэтичность» *vers libre* отсылками к Шекспиру и Петрарке (ср.: «...Чтобы я читал ей вслух “Макбета”...»; «Едва дойдя до *пузырей земли*...»; «...И что прошли времена Паоло и Франчески». – Блок 1997: 199).

...обратимся к третьему автору – кн. Шаховскому. – Дмитрий Алексеевич Шаховской, князь; после пострига в 1926 г. о. Иоанн (23 августа 1902, Москва – 30 мая 1989, Санта-Барбара, Калифорния) – представитель тульской ветви княжеского рода Шаховских, ведущего свое происхождение от Рюрика. С 1915 по 1917 г. учился в императорском Александровском лицее в Петербурге; затем воевал в Добровольческой армии генерала Деникина, служил радистом на Черноморском флоте; в 1920 г. эмигрировал, после краткого пребывания в Константинополе и Париже поселился с семьей в Бельгии, где закончил католический Лёвенский университет (Katholieke Universiteit Leuven).

В 1923 г. Шаховской выпустил сборник «Стихи». Константин Мочульский в «Звене» отозвался на него краткой пренебрежительной рецензией, назвав стихотворения Шаховского «дилетантскими романсами» из разряда тех, «которые пишут гимназисты, любящие природу и мечтающие в вечерних сумерках», и которые печатать не следует (Звено. 1923. № 19. 11 июня; цит. по: Мочульский 1999: 336). «Песни без слов», вышедшие год спустя, были встречены со значительно большим интересом и сочувствием. Тот же Мочульский констатировал, что за год «робкий ученик», который раньше «не справлялся с синтаксисом, не владел техникой», «стал поэтом: его новые стихи далеки от совершенства – но это настоящие стихи. Без признаков «построения», без запоминающихся образов, без определенного эмоционального содержания – они все же реальны, – как струи дыма, как полосы тумана. <...> В них усилие рассказать, объяснить: в них – радость, доверчивая и беспомощная. Каждое стихотворение – неудача неизбежная. Все равно, «того» словами не скажешь. <...> Но у слушателя ясное ощущение, что за словами – ненужными и часто невнятными – лежит что-то иное, и многие выражения, свиду нескладные и грамматически сомнительные, кажутся все-таки поэтически значимыми» (Звено. 1924. № 86. 22 сентября; цит. по: Мочульский 1999: 355; этот же отзыв в сокращении был включен в обзор: Мочульский 1925: 66).

Более строгим к молодому поэту оказался Г. Струве, отметивший у него «неуменьше обращаться со словом, как поэтическим мате-

риалом, неуваженье к нему». Но и он нашел в сборнике «искупающие строки», в которых «чувствуется внутренняя музыка». «На лучших стихах кн. Шаховского почиет дыхание Фета»²³, – заключает критик.

В «Последних новостях» появилось даже два хвалебных отклика. Сначала Августа Даманская признала, что «в стихах Д. А. Шаховского угадывается большая работа, любовная чеканка. Ясно, что он упивается «сладчайшим настоем бунинских строк» и что, помимо этого, неодолимого, требующего для себя поэтической, музыкальной формы, самая эта форма для него тоже самодовлеющая цель»²⁴. Затем к похвалам присоединился Бальмонт, обнаруживший в лучших стихах Шаховского «способность человеческого сердца так пронзенно чувствовать, что его человеческий вскрик или шопот притягивают внимание чувствующего и заставляют остановиться»²⁵.

В 1925 г., после относительного успеха «Песен без слов», Шаховской затевает издание в Брюсселе нового литературного журнала, которому он дал название «Благонамеренный», одолженное у пушкинской эпохи и увековеченное в «Евгении Онегине» (и в переписке Пушкина с Вяземским). К участию в журнале ему удалось привлечь многих известных поэтов, писателей и критиков разных политических и литературно-эстетических позиций – Адамовича, Бунина, Г. Иванова, Святополка-Мирского, Ремизова, Степуна, Ходасевича, Цветаеву и др., а также талантливую молодежь (часть редакционной переписки с авторами Шаховской привел в своей автобиографии: *Архиепископ Иоанн Шаховской 1977: 165–350*). Сам он печатал в своем журнале стихи, афоризмы и рецензии. Выход «Благонамеренного» в январе 1926 г. приветствовали «Последние

---

²³ Струве Г. Дмитрий Кобяков. Керамика. Книгоиздательство «Птицелов». Париж. 1925 <...> Илия Британ. Полдень. Берлин. 1925 <...> Владимир Диксон. Ступени. Париж. 1924. <...> Кн. Д. А. Шаховской. Песни без слов. Издательство Русских Писателей в Бельгии. Брюссель 1924 <...>. – Возрождение. 1925. № 6. 8 июня.

²⁴ Мерич А. [А. Ф. Даманская]. Несущие лепту... – Последние новости. 1924. № 1346. 18 сентября.

²⁵ Бальмонт К. Новые стихи. – Последние новости. 1924. № 1421. 11 декабря.

новости»²⁶ и «Руль»²⁷; в «Современных записках» его рецензировали Михаил Осоргин (см.: Осоргин 1926: 564) и Федор Степун (см.: Степун 1926: 483), а в «Воле России» – Н. Ф. Мельникова-Папоушек (1926. № 2. С. 194–195; № 3. С. 200–202); с необычно резкими нападками на журнал, его редактора и «леворадикальных» авторов, Цветаеву и Святополка-Мирского, обрушилась З. Гиппиус (см.: Крайний 1926: 257–266). «Благонамеренному» уделил внимание даже советский критик Дмитрий Горбов, который не без некоторой симпатии отметил «сугубо-литературную позицию» журнала, «отвергающего всякую тенденцию и даже литературную борьбу, провозглашающего права поэта-человека и видящего смысл литературы в самодовлеющей борьбе с серединностью» (Горбов 1928: 47).

Как явствует из автобиографии и писем Шаховского, еще весной 1926 г. он радовался тому, как «хорошо началось [его] литературное дело редактирования большого журнала» и готовил к печати третий номер «Благонамеренного». Однако внезапно его литературная деятельность прервалась: испытыв короткий, но очень глубокий духовный кризис, он принял решение уйти в иночество. 23 июня Шаховской писал Бунину: «Дорогой Иван Алексеевич, в моей жизни произошли перемены. Меня благословили на монашество и я уезжаю на Афон, где приму послух. <...> Благонамеренный, конечно, прекращает свое существование, сегодня я отсылал рукописи» (Архиепископ Иоанн Шаховской 1977: 176). С русской литературой он попрощался маленьким поэтическим сборником «Предметы», который разослал друзьям и авторам «Благонамеренного» перед отъездом в монастырь (в продажу сборник не поступал). 23 августа (по старому стилю), в день своего рождения, он был пострижен в одной из церквей Афона, и ему было наречено имя Иоанн. Дальнейшая его жизнь прошла в церковном служении (Югославия, Франция, Германия, с 1945 г. США, где о. Иоанн закончил свой путь Архиепископом Сан-Францисским и Западно-

²⁶ См.: Н. К-гъ [Н. Н. Кнорринг]. «Благонамеренный». Журнал русской литературной культуры. Кн. I. 1926. Брюссель. – Последние новости. 1926. № 1772. 28 января.

²⁷ См.: Ю. Айхенвальд. Литературные заметки. – Руль. 1926. № 1578. 10 февраля.

Американским) и в занятиях богословием, хотя он нередко выступал и в светской печати – либо под своим монашеским именем, либо под псевдонимом Странник.

По свидетельству самого Шаховского, он познакомился с Набоковым в 1923 г. в Берлине (Архиепископ Иоанн Шаховской 1977: 74; также см. его очерк в «Русской мысли»²⁸) и поддерживал отношения с ним до самого конца его жизни. В архиве Набокова сохранилось письмо, которое Шаховской послал ему сразу же после публикации в «Руле» (1925, 29 апреля) стихотворения «Мать» («Смеркается. Казнен. С Голгофы отвалив...»):

Дорогой Владимир Владимирович,
Я только что прочел Ваше стихотворение «Мать», и мне сразу захотелось написать Вам несколько строк.

Не буду останавливаться на так называемом «культурном» значении стихотворения, которое для меня несомненно. Остановлюсь лишь на той его «половине», которая превосходит форму. Не знаю, христианин ли Вы (простите за остроту вопроса), но стихотворение Ваше на этот вопрос отвечает двояко:

1) Нет, не христианин, но поэтическим даром своим (всякий истинный поэтический дар – мысль – христианский) про-
осязующий христианство.

2) Да, христианин, но дилетант в этом самом главном, потому что ради «поэзии» забываете христианство... (ради стихотворения – поэзию).

«Смеркается. Казнен...»

Иисус Христос был казнен в полдень.

«У гроба в третий день, виденье встретит жен...»

Галлюцинирующие жены это, Владимир Владимирович, – Ренан (опровергаемый ниже: «свещающуюся плоть» и т. д.)

«Мария, что тебе до бреда рыбарей?»

²⁸ Странник. Начало набоковианы. – Русская мысль. 1978. № 3206. 1 июня.

Простите, Владимир Владимирович, что я пишу Вам о всем этом. Я думаю – Вы христианин, но поддались соблазну легкой разработки большой и глубокой христианской темы. Не написать же Вам об этом не могу, потому что светское, легкое отношение к Богу и Его земным истинам не допустимо ни в жизни, ни в искусстве, ни, еще менее, в искусстве талантливом.

Простите меня,

Искренне Ваш Шаховской

Даже если Вы не христианин, я думаю Вы поймете мое письмо: «биологичность» его²⁹.

Во втором номере «Благонамеренного» была напечатана любопытная рецензия Шаховского на «Машеньку», в которой первый роман Сирина оценивался достаточно высоко. Шаховской хвалил автора за «творческое отсутствие фабулы», позволившее ему погрузиться «в глубь человека», и за «неполную биологическую предопределенность героев», в чем он увидел отход от Бунина, которому Сирин «следовал в насыщенности описаний», в сторону Достоевского (см.: А. [Шаховской] 1926: 173–174).

Набоков был среди корреспондентов Шаховского, получивших от него в подарок сборник «Предметы», но, в отличие от Бунина или Цветаевой, без сообщения об уходе в монахи. 26 июня 1926 г. он писал жене: «Вернулся домой с книжечкой стихов Шаховского (он мне прислал ее в “Руль”), прочел ее: очень недурно, – ясная темнота, прохлада, волнение. Я ему так и написал, и сразу письмо отправил (в “Благонамеренный”» (Набоков 2018: 109). По-видимому, это письмо дошло до Шаховского с большим опозданием, уже после пострига, поскольку 2 октября он писал матери, что не знает, по какому адресу отвечать Набокову (см.: Архиепископ Иоанн Шаховской 1977: 117).

В большой статье «Начало набоковианы» Шаховской вспоминает о трех встречах с Набоковым и его женой – в начале 1930-х годов в Берлине, где он с 1932 по 1945 г. служил настоятелем Свято-Владимирского собора, в 1967 г. в Лозанне, когда Набоковы

---

²⁹ Vladimir Nabokov. Correspondence. Letters received. – Library of Congress. Manuscript Division. Vladimir Vladimirovich Nabokov Papers. Box 1.

посетили его в гостинице, и, наконец, в Монтрё, как он пишет, в «солженицынские дни», то есть, в самом конце 1973-го или в январе 1974 г., после публикации на Западе «Архипелага ГУЛАГ» и начавшейся из-за этого травли Солженицына в СССР, но еще до его высылки в феврале. Во время последней встречи, пишет Шаховской, Набоков стал его уверять, «что вся эта шумиха за границей с Солженицыным и его книгами – дело КГБ (зарабатывающем будто бы деньги на этом...)», и сравнил «литературный уровень» Солженицына с уровнем генерала Краснова. Но еще больше его поразил другой «чисто-набоковский» момент:

Когда мы стали прощаться, я, как человек знавший его с начала 20-х годов и дальний его свойственник, привыкший к русскому стилю прощания, хотел братски обнять его. Но – никогда еще в моей жизни такого не случилось – с какой-то непонятной силой убеждения, Владимир Владимирович, помрачнев, нервно отстранился от меня и сказал, что «не любит таких прощаний». Я думаю, что можно объяснить его жест и честностью его чувств, установивших, вероятно, раз и навсегда, дистанцию между собой и другими людьми. При отводе других соображений, этот жест может быть также объяснен попыткой отражения в мир своей изоляции³⁰.

Сестра Шаховского Зинаида увидела в этом эпизоде свидетельство отчуждения Набокова от духовного, его «потустороннего страха или отвращения от всего, что связано с христианством» (Шаховская 1991: 84), но сам архиепископ не был так однозначен в оценке. Подобная психическая и духовная изоляция, – писал он, – «может быть и положительным состоянием души, готовой к миру высших отношений»³¹.

Как бы то ни было, статья Шаховского вызвала гнев В. Е. Набоковой. В открытом письме редактору «Русской мысли» она не только обвинила «Странника» в том, что его рассказ о последней

---

³⁰ Странник. Начало набоковианы. – Русская мысль. 1978. № 3206. 1 июня.

³¹ Странник. Начало набоковианы. – Русская мысль. 1978. № 3206. 1 июня.

встрече с Набоковым создал ложное впечатление, будто бы «В. В. подозревал Солженицына в работе на КГБ», но и приписала статье отсутствующий в ней «враждебный тон, который как-то не вяжется с <...> монашеским званием»³². Явная необъективность В. Е. Набоковой по отношению к Шаховскому заставляет с осторожностью отнестись к ее позднему воспоминанию о разговоре с ним перед отъездом из Германии в 1937 г. Как она сообщила Брайану Бойду, в ответ на ее слова, что они уезжают, так как евреям в Германии оставаться опасно, о. Иоанн якобы сказал: «Наоборот, надо остаться и принять страдание» (см.: Schiff 2000: 83). Можно предположить, что, если бы Шаховской действительно допустил такое высказывание, то дружеское общение с ним Набоковых после войны было бы прервано.

...что значит «оголубя», «длинн», «шелкошелесты»? – Примеры небрежного словоупотребления взяты из разных стихотворений сборника. Ср.: «Устами слов не высказать себя; / Слова родные все в непониманьи... / Свети, цвети, небесное дрожанье, / День осветив и ночь оголубя» (5). «На восток я иду одиноко; / Путь мой долог и вечер мой длинн; – / Дай мне тихую песню востока, / Нежный запах гафизских долин» (8). «Все во всем, как в небе розовом. / Я воскрес; – умру опять... / Шелкошелесты березовы / Начинают запевать» (12). Г. Струве в своей рецензии также отметил, что «нельзя говорить “и вечер мой длинн”»³³.

...он (да простится мне невинный галлицизм) больше поэт, нежели... – калька с французского « plus poète que... », вошедшая в русский язык еще в первой половине XIX в. и давно переставшая восприниматься как галлицизм. См., например, это же выражение в критических статьях Белинского: «Как великий поэт с истинным дарованием, он [Альфред де Виньи] прост, неизыскан, естествен,

---

³² Набокова В. [Письмо редактору «Русской мысли»]. – Русская мысль. 1978. № 3211. 6 июля.

³³ Струве Г. Дмитрий Кобяков. Керамика. Книгоиздательство «Птицелов». Париж. 1925 <...> Илия Британ. Полдень. Берлин. 1925 <...> Владимир Диксон. Ступени. Париж. 1924. <...> Кн. Д. А. Шаховской. Песни без слов. Издательство Русских Писателей в Бельгии. Брюссель 1924 <...>. – Возрождение. 1925. № 6. 8 июня.

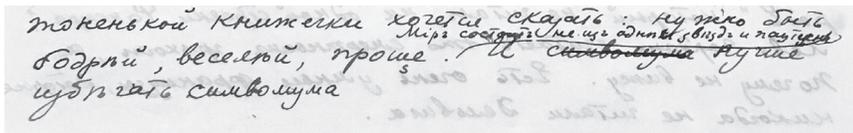
добросовестен, и потому более поэт, нежели Гюго» (Белинский 1953–1959, 2: 153). «Батюшков более поэт, чем Жуковский» (Белинский 1953–1959, 5: 551). «По нашему мнению, Лерверье больше поэт, чем г-жа Жадовская, хоть он и не пишет стихов» (Белинский 1953–1959, 10: 35). Оно нередко встречается и в литературной критике Серебряного века, в частности, у Василия Розанова в статье «О благодущии Некрасова» («Некрасов был более поэт <...> нежели кто-нибудь из его поэтических современников» – Розанов 1903: 58) и у Иннокентия Анненского в «Что такое поэзия?» («Я вовсе не думаю вас уверять, что Ренье более поэт, чем Гюго». – Анненский 1911: 55).

Книга его – робкая, тихая. – В культурной памяти читателей начала 1920-х годов название сборника Шаховского – «Песни без слов» – вызывало две ассоциации: с книгой стихов Поля Верлена «Romances sans paroles» (1874) и циклами фортепианных пьес Феликса Мендельсона «Lieder ohne Worte» (Op. 19, 30, 38, 53, 62, 67, 85, 102 (MWV SD 5, 9, 16, 23, 29, 32, 46, 44); 1829–1845).

«Тяжелым сном уснули веки, перед рассветом навши ниц, и жизнь ушла, но не навеки за тайну нежную ресниц». – Первая строфа стихотворения без названия (9).

...«но в весенних сумерках стройных, где для мира безмолвствуешь ты, дай остаться чужим, беспокойным, недостойным твоей наготы». – Последняя строфа стихотворения «Я хочу твоего дуновенья...» (28).

Мир состоит не из одних звезд и паутин <?> – Последнее слово начертано в рукописи неразборчиво, и потому наше чтение лишь предположительно.

«Звездный» мотив играет в сборнике довольно заметную роль. Ср.: «Лежат слова, как звезды над дорогой» (5). «Снег легких звезд порошит мир лениво» (7). «Только поздние звезды далеки» (8). «Над рассветом звезда упала. И было / Столько радости звездной в небесном паденьи...» (21). «Звездным светом мерцает капелла»

(25). «Блистанье звезд опустоша, / Заря к земле перелетела» (29). С другой стороны, никаких паутин в лирике Шаховского нет, хотя слово входило в поэтический лексикон самого Набокова. В ходе обсуждения этого места в Фейсбуке Мария Степанова указала на возможную связь фразы Набокова с символическими образами «серой паучихи скуки» (Блок 2003: 21), «пауков-городов» (Там же: 22) и паутины пошлости, заткавшей весь современный мир, в статье Блока «Безвремяе» (1906). Паутине Блок противопоставляет «звездный узор», открывающийся «в глубинах неба», цитируя свое стихотворение «Там, в ночной завывающей стуже, / В поле звезд отыскал я кольцо» (Там же: 24–25). Очень вероятно, что сопряжением звезд с паутиной Набоков хотел намекнуть на зависимость стихов Шаховского от миропонимания и образной системы символизма. Близость «Песен без слов» к молодому Блоку была отмечена Мочульским в его рецензии на сборник (см. выше).

БИБЛИОГРАФИЯ

- А. [Д. А. Шаховской] 1926. «Машенька». Берлин. Слово, 1926. – Благонамеренный. № 2. С. 173–174.
- Адамович Г. 1998. Собр. соч.: Литературные беседы. Кн. 1: «Звено». 1923–1926. СПб.: Алетейя.
- Анненский И. 1911. Что такое поэзия? – Аполлон. № 6. С. 51–57.
- Ахматова А. 1912. Вечер: Стихи. СПб.: Цех Поэтов.
- Архиепископ Иоанн Шаховской 1977. Биография юности: Установление единства. Париж: YMCA-Press.
- Белинский В. Г. 1953–1959. Полн. собр. соч.: В 13-ти тт. М.: Издательство Академии наук СССР.
- Блок А. А. 1997. Полн. собр. соч. и писем: В 20-ти тт. Т. 2: Стихотворения. Кн. вторая (1904–1908). М.: Наука.
- Блок А. А. 1999. Полн. собр. соч. и писем: В 20-ти тт. Т. 5: Стихотворения и поэмы (1917–1921). М.: Наука.
- Блок А. А. 2003. Полн. собр. соч. и писем: В 20-ти тт. Т. 7: Проза (1903–1907). М.: Наука.
- Бойд Б. 2001. Владимир Набоков: Русские годы. Биография. М.; СПб.: Издательство «Независимая Газета»; Издательство «Симпозиум».
- [Б. п.] [И. Британ] 1924. Ибо я – большевик!... Берлин: Логос.

- Британ И. 1924. Изгнанники (Переживания в 4-х действиях). Берлин: Типография „Зинабург и К°“; Книготорговое акционерное общество „Логос“.
- Британ И. 1927. Мария. Берлин: Слово.
- Будницкий О., Полян А. 2013. Русско-еврейский Берлин: 1920–1941. М.: Новое литературное обозрение.
- Венцлова Т. 2012. К биографии Владимира Корвина-Пиотровского. – Венцлова Т. Собеседники на пиру: Литературоведческие работы. М.: Новое литературное обозрение. С. 386–409.
- Вестник 1915. Вестник финансов, промышленности и торговли. № 52.
- Вестник 1916. Вестник финансов, промышленности и торговли. № 4.
- Вольфцун Л. Б. 1999. Лев Семенович Гордон: Судьба историка. – Одиссей: 1998. Человек в истории. Личность и общество. Проблемы самоидентификации. М.: Наука. С. 204–222.
- Вольфцун Л. Б. 2008. Гордон Лев Семенович. – Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры. Т. 3: Государственная Публичная библиотека в Ленинграде – Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. 1913–1945. СПб.: Российская национальная библиотека. С. 159–164.
- Генис В. Л. 2009. Неверные слуги режима: Первые советские невозвращенцы (1920–1933). Опыт документального исследования: В 2-х кн. Кн. 1: «Бежал и перешел в лагерь буржуазии...» (1920–1929). М.: [б. и.].
- Горбов Д. 1928. У нас и за рубежом: Литературные очерки. М.: Артель писателей „Круг“.
- Гордон Л. 1923. Письма из Берлина. – Записки Передвижного Театра. № 63. 23 октября. С. 3–4.
- Державин Г. Р. 1865. Соч. Державина / С объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 2: Стихотворения. Часть II. СПб.: В Типографии Императорской Академии Наук.
- Дзядко Ф. В., Утгоф Г. М. 2017. Набоков Владимир Владимирович. – Мандельштамовская энциклопедия: В 2-х тт. Т. 1. М.: Издательство «Политическая энциклопедия». С. 358–359.
- Долинин А. 2000. Примечания [к «Дару»]. – Набоков (Сиринь) В. В. Собр. соч. русского периода: В 5-ти тт. Т. 4: 1935–1937. Приглашение на казнь. Дар. Рассказы. Эссе. СПб.: Симпозиум. С. 634–768.
- Дон-Аминадо 1991. Поезд на третьем пути. М.: Книга.

- Жирмунский В. 1922. Валерий Брюсов и наследие Пушкина: Опыт сравнительно-стилистического исследования. Пб.: Издательство „Эльзевир“.
- Козырева М. 1991. Маргарита Марьяновна Тумповская. Лев Семенович Гордон. – Сумерки. [Вып.] 11. СПб., 1991. С. 151–155.
- Короленко В. Г. 1911. К чертам военного правосудия. – Русское богатство. № 3. Отд. II. С. 161–171.
- Крайний А. 1926. Мертвый дух. – Голос минувшего на чужой стороне. № 4. С. 257–266.
- Ленинский сборник 1932. Ленинский сборник. [Вып.] XX. М.: Партийное издательство.
- Мандельштам О. 2009. Полн. собр. соч. и писем: В 3-х тт. Т. 1: Стихотворения. М.: Прогресс-Плеяда.
- Мочульский К. 1925. Русская поэзия за границей в 1924 г. – Временник общества друзей русской книги. № 1. С. 65–67.
- Мочульский К. 1999. Кризис воображения: Статьи. Эссе. Портреты. Томск: Водолей.
- Набоков В. 1985. Переписка с сестрой. Ann Arbor: Ardis.
- Набоков (Сиринъ) В. В. 1999. Собр. соч. русского периода: В 5-ти тт. Т. 2: 1926–1930. Машенька. Король, дама, валет. Защита Лужина. Рассказы. Стихотворения. Драма. Эссе. Рецензии. СПб.: Симпозиум.
- Набоков В. 2017. Письма к Вере / Комментарии Ольги Ворониной и Брайана Бойда; вступительная ст. Брайана Бойда; пер. ст. и комментариев Александры Глебовской. М.: Колибри.
- Осоргин М. 1926. «Благонамеренный». Журнал русской литературной культуры <...>. – Современные записки. Кн. XXVII. С. 564–566.
- Оцуп Н. 1930–1931. А. Формаков. *В пути. Рига 1926*; В. Третьяков. *Солнцерай. Петрополис. Берлин 1930...* – Числа. Кн. IV. С. 266–267.
- Полюдов В. 2010. Вехи памяти. – Филолог. Вып. № 12 [URL: http://philolog.rspu.ru/module/magazine/do/mpub_12_233].
- Поляков Ф. 2010. Русский Берлин в архиве Рейнгольда фон Вальтера. – *Vademecum: К 65-летию Лазаря Флейшмана*. М.: Водолей. С. 291–306.
- Поплавский Б. 2009. Собр. соч.: В 3-х тт. Т. 3: Статьи. Дневники. Письма. М.: Книжица; Русский путь; Согласие.
- Пушкин А. С. 1949. Полн. собр. соч.: В 16-ти тт. Т. 2. Кн. 1: Стихотворения. 1817–1825. Лицейские стихотворения в позднейших редакциях. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР.

- Розанов В. 1903. О благодущии Некрасова. – Мир искусства. №9. С. 52–64.
- Смит Дж. 2002. Русский стих Набокова. – Смит Дж. Взгляд извне: Статьи о русской поэзии и поэтике. М.: Языки славянской культуры. С. 95–115.
- Степун Ф. 1926 «Благонамеренный». Журнал русской литературной культуры. Книга II. – Современные записки. Кн. XXVIII. С. 483–486.
- Тарановский К. Ф. 2000. Очерки о поэзии О. Мандельштама. – Тарановский К. Ф. О поэтах и поэзии. М.: Языки русской культуры. С. 13–208.
- Телицын В. 1998. Они погибли тогда... III: «Скажи, певец, на что похож стихов твоих узор...» (Илья Алексеевич Британ). – Русское еврейство в зарубежье. Статьи, публикации, мемуары и эссе. Т. I (VI). Иерусалим: Научно-исследовательский центр «Русское еврейство в зарубежье», 1998. С. 428–443.
- Шаховская З. 1991. В поисках Набокова. Отражения. М.: Книга.
- Шульговский Н. Н. 1914. Теория и практика поэтического творчества: Технические начала стихосложения. СПб.; М.: Издание Товарищества М. О. Вольф.
- Chronik 1999. Chronik russischen Lebens in Deutschland / Hrsg. von Karl Schlögel, Katharina Kucher, Bernhard Suchy und Gregor Thum. Berlin: Akademie Verlag.
- Boyd, B. 1990. Vladimir Nabokov: The Russian Years. Princeton: Princeton University Press.
- Grason, D. s. a. Britan Élie. – Dictionnaire biographique: Fusillés, guillotínés, exécutés, massacrés 1940–1944. [URL: http://maitron-fusilles-40-44.univ-paris1.fr/spip.php?article144789&id_mot=233].
- Nabokov, V. 1989. *Selected Letters* / Ed. by Dmitri Nabokov and Matthew J. Bruccoli. San Diego; New York; London: Harcourt, Brace, Jovanovich / Bruccoli, Clark, Layman.
- Nabokov, V. 1990. *Strong Opinions*. New York: Vintage International.
- Schiff, S. 2000. *Véra* (Mrs. Vladimir Nabokov). New York: Modern Library.
- Taranovsky, K. 1976. *Essays on Mandel'stam*. Cambridge, Mass: Harvard University Press.

REFERENCES

- A. [Dmitrii Shakhovskoi, pseud.] Review of *Mashen'ka*, by Vladimir Sirin (Nabokov). *Blagonamerennyi* 2 (1926): 173–74.
- Adamovich, G. *Sobranie sochinenii: Literaturnye besedy*. Vol. 1, “Zveno”. 1923–1926. Saint-Petersburg: Aleteiia, 1998.

- Akhmatova, A. *Vecher: Stikhi*. Saint-Petersburg: Tsekh Poetov, 1912.
- Annenskii, I. "Chto takoe poeziia?" *Apollon* 6 (1911): 51–57.
- Belinskii, V. G. *Polnoe sobranie sochinenii*. 13 vols. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1953–1959.
- Blok, A. A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 20 vols. Vol. 2, *Stikhotvoreniia. Kn. vtoraiia (1904–1908)*. Moscow: Nauka, 1997.
- . *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 20 vols. Vol. 2, *Stikhotvoreniia i poemy (1917–1921)*. Moscow: Nauka, 1999.
- . *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 20 vols. Vol. 2, *Proza (1903–1907)*. Moscow: Nauka, 2003.
- Boyd, B. *Vladimir Nabokov: Russkie gody. Biografiia*. Moscow and Saint-Petersburg: Izdatel'stvo "Nezavisimaia Gazeta" & Izdatel'stvo "Simpozium", 2001.
- . *Vladimir Nabokov: The Russian Years*. Princeton: Princeton University Press, 1990.
- Britan, I. *Izgnanniki (Perezhivaniia v 4-kh deistviiakh)*. Berlin: Tipografiia "Zinaburg i K°"; Knigotorgovoe aktsionernoe obshchestvo "Logos", 1924.
- Britan, I. *Mariia*. Berlin: Slovo, 1927.
- Budnitskii, O. and Polian A. *Russko-evreiskii Berlin: 1920–1941*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013.
- Derzhavin, G. R. *Sochineniia*. Edited and annotated by Iakov Grot. Vol. 2, *Stikhotvoreniia. Chast' II*. Saint-Petersburg: V Tipografii Imperatorskoi Akademii Nauk, 1865.
- Dolinin, A. "Primechaniia [k 'Daru']." *Sobranie sochinenii russkogo perioda*, by Vladimir Nabokov (Sirin). 5 vols. Vol. 4, 1935–1937. *Priglasenie na kazn'. Dar. Rasskazy. Esse*, 634–768. Saint-Petersburg: Simpozium, 2000.
- Don-Aminado. *Poezd na tret'em puti*. Moscow: Kniga, 1991.
- Dziadko, F. V. and Utgof, G. M. "Nabokov Vladimir Vladimirovich." In *Mandel'shtamovskaia entsiklopediia*. 2 vols. Vol. 1, 358–59. Moscow: Izdatel'stvo "Politicheskaia entsiklopediia", 2017.
- Genis, V. L. *Nevernye slugi rezhima: Pervye sovetskie nevozvrashchentsy (1920–1933). Opyt dokumental'nogo issledovaniia*. 2 vols. Vol. 1, "Bezhal i pereshel v lager' burzhuziia..." (1920–1929). Moscow: n. p., 2009.
- Gorbov, D. *U nas i za rubezhom: Literaturnye ocherki*. Moscow: Artel' pisatelei "Krug", 1928.
- Gordon, L. "Pis'ma iz Berlina." *Zapiski Peredvizhnogo Teatra* 63 (October, 1923): 3–4.

- Grason, D. "Britan Élie." *Dictionnaire biographique: Fusillés, guillotínés, executés, massacrés 1940–1944*. Accessed October 31, 2018. http://maitron-fusilles-40-44.univ-paris1.fr/spip.php?article144789&id_mot=233.
- Ioann, Archbishop of San Francisco and Western United States [Dmitrii Shakhovskoi]. *Biografiia iunosti: Ustanovlenie edinstva*. Paris: YMCA-Press, 1977.
- Korolenko, V. G. "K chertam voennogo pravosudiia." *Russkoe bogatstvo* 3, no. 2 (1911): 161–171.
- Kozyreva, M. "Margarita Mar'ianovna Tumpovskaia. Lev Semenovich Gordon." *Sumerki* 11 (1991): 151–55.
- Krainii, A. [Zinaida Gippius, pseud.]. "Mertvyi dukh." *Golos minuvshego na chuzhoi storone* 4 (1926): 257–66.
- Leninskii sbornik*. Vol. 20. Moscow: Partiinoe izdatel'stvo, 1932.
- Mandel'shtam, O. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 3 vols. Vol. 1, *Stikhotvoreniiia*. Moscow: Progress-Pleiada, 2009.
- Mochul'skii, K. "Russkaia poeziia za granitsej v 1924 g." *Vremennik obshchestva druzei russkoi knigi* 1 (1925): 65–67.
- . *Krizis voobrazheniia: Stat'i. Esse. Portrety*. Tomsk: Vodolei, 1999.
- Nabokov, V. *Perepiska s sestroi*. Ann Arbor: Ardis, 1985.
- . *Selected Letters*. Edited by Dmitri Nabokov and Matthew J. Bruccoli. San Diego, New York & London: Harcourt, Brace, Jovanovich / Bruccoli, Clark, Layman, 1989.
- . *Strong Opinions*. New York: Vintage International, 1990.
- . *Pis'ma k Vere*. Moscow: Kolibri, 2017.
- Nabokov (Sirin), V. V. *Sobranie sochinenii russkogo perioda*. 5 vols. Vol. 2, 1926–1930. *Mashen'ka. Korol', dama, valet. Zashchita Luzhina. Rassказы. Stikhotvoreniiia. Drama. Esse. Retsenzii*. Saint-Petersburg: Simpozium, 1999.
- Osorgin, M. Review of *Blagonamerennyi. Sovremennye zapiski* 27 (1926): 564–66.
- Otsup, N. Review of *V puti* by A. Formakov and *Solntseroi* by V. Tret'iakov. *Chisla* 4 (1930–1931): 266–67.
- Poliakov, F. "Russkii Berlin v arkhive Reinhold'a von Walter'a." In *Vademecum: K 65-letiiu Lazaria Fleishmana*: 291–306. Moscow: Vodolei, 2010.
- Poliudov, V. "Vekhi pamiati." *Filolog* 12 (2010). Accessed October 31, 2018. http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_12_233.
- Poplavskii, B. *Sobranie sochinenii*. 3 vols. Vol. 3, *Stat'i. Dnevnik. Pis'ma*. Moscow: Knizhitsa, Russkii put' & Soglasie, 2009.

- Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii*. 16 vols. Vol. 2, bk. 1: *Stikhotvoreniia. 1817–1825. Litseiskie stikhotvoreniia v pozdneishikh redaktsiakh*. Moscow and Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1949.
- Rozanov, V. "O blagodushii Nekrasova." *Mir iskusstva* 9 (1903): 52–64.
- Schiff, S. *Véra (Mrs. Vladimir Nabokov)*. New York: Modern Library, 2000.
- Shakhovskaia, Z. *V poiskakh Nabokova. Otrazheniia*. Moscow: Kniga, 1991.
- Shul'govskii, N. N. *Teoriia i praktika poeticheskogo tvorchestva: Tekhnicheskie nachala stikhoslozheniia*. Saint-Petersburg and Moscow: Izdanie Tovarishchestva M. O. Vol'f, 1914.
- Smith, J. S. "Russkii stikh Nabokova." In *Vzgliad izvne: Stat'i o russkoi poezii i poetike*, 95–115. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2002.
- Stepun, F. Review of *Blagonamerennyi. Sovremennye zapiski* 28 (1926): 483–86.
- Taranovskii, K. F. "Ocherki o poezii O. Mandel'shtama." In *O poetakh i poezii*, 13–208. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 2000.
- Taranovsky, K. *Essays on Mandel'stam*. Cambridge, Mass. and London: Harvard University Press, 1976.
- Telitsyn, V. "Oni pogibli togda... III: 'Skazhi, pevets, na chto pokhozhd stikhov tvoikh uzor...' (Il'ia Alekseevich Britan)." In *Russkoe evreistvo v zarubezh'e. Stat'i, publikatsii, memuary i esse*. Vol. 1 (6): 428–43. Jerusalem: Nauchno-issledovatel'skii tsentr "Russkoe evreistvo v zarubezh'e", 1998.
- Venclova, T. "K biografii Vladimira Korvina-Piotrovskogo." In *Sobesedniki na piru: Literaturovedcheskie raboty*, 386–409. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012.
- Vestnik finansov, promyshlennosti i torgovli* 52 (1915).
- Vestnik finansov, promyshlennosti i torgovli* 4 (1916).
- Vol'f'sun, L. B. "Lev Semenovich Gordon: Sud'ba istorika." In *Odissei: 1998. Chelovek v istorii. Lichnost' i obshchestvo. Problemy samoidentifikatsii*, 204–22. Moscow: Nauka, 1999.
- Vol'f'sun, L. B. "Gordon Lev Semenovich." In *Sotrudniki Rossiiskoi natsional'noi biblioteki – deiateli nauki i kul'tury*. Vol. 3, *Gosudarstvennaia Publichnaia biblioteka v Leningrade – Gosudarstvennaia Publichnaia biblioteka im. M. E. Saltykova-Shchedrina. 1913–1945*, 159–64. Saint-Petersburg: Rossiiskaia natsional'naia biblioteka, 2008.
- Zhirumskii, V. *Valerii Briusov i nasledie Pushkina: Opyt sravnitel'no-stilisticheskogo issledovaniia*. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo "El'zevir", 1922.